

Аржакова Лариса Михайловна

**ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС И ЕГО ПРЕЛОМЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛОНИСТИКЕ XIX ВЕКА**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2015

Работа выполнена на кафедре истории славянских и балканских стран института истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Гросул Владислав Якимович**,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор, руководитель группы «Общественная мысль, общественное движение» Центра «История России в XIX – начале XX в.» ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук»

Воробьева Ирина Геннадьевна,
доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет»

Лескинен Мария Войтговна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела восточного славянства ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»**

Защита диссертации состоится «_____» _____ 2015 г. в _____ на заседании Диссертационного совета Д 501.002.12 по всеобщей истории; историографии, источниковедению и методам исторического исследования при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. _____

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (Москва, Ломоносовский просп., д. 27), а также на сайте:

www.hist.msu.ru

Автореферат разослан «_____» _____ 2015 г.

Ученый секретарь Диссертационного Совета,
Кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Известно, какую весомую роль в политической и общественной жизни Российской империи играл польский вопрос, в основе которого лежал своего рода сплав устоявшихся в обществе стереотипов по поводу Польши и поляков в сочетании с соответственно интерпретируемой информацией о прошлом и настоящем польского народа. Временами, в пору политических кризисов, он приобретал особую остроту. Не напрасно Н.Н. Страхов свои заметки по поводу польского вопроса, опубликованные в пору польского восстания 1863 г., озаглавит: «Роковой вопрос».

Вместе с тем, немаловажно и то, что динамика русско-польских взаимоотношений (до XVIII–XIX вв. преимущественно в сфере межгосударственных отношений, а затем – главным образом, во внутривнутриполитической жизни Российской империи) активно воздействовала на развитие отечественных полонистических исследований, во многом предопределяя выбор тематики и подход к ней. Кроме того, складывавшиеся в рассматриваемый период традиции в освещении истории польского народа до сих пор заметно влияют как на трактовку польского вопроса, так и на развитие отечественной полонистики. Не приходится упускать из виду и тот факт, что польский вопрос наложит свою печать на ряд крупнейших явлений нашей культурной и общественно-политической жизни, самые хрестоматийные среди них – пушкинская ода «Клеветникам России», опера М.И. Глинки «Жизнь за царя», трактат «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского и многое другое.

В новейшее время, как известно, произошли значительные перемены как в самих русско-польских взаимоотношениях, так и в трактовке многовековой истории польского вопроса в России. Но все же представляется слишком оптимистичным утверждение Л.Е. Горизонтова, который, полагая, что «польский вопрос как фактор внутреннего развития России ныне целиком принадлежит истории», утверждал, что «это счастливый и /.../ редкий пример освобождения государства и общества от тягостного и для первого, и для второго бремени прошлого». Впрочем, и сам автор этих строк все же не смог обойтись без оговорки: «Однако отголоски русско-польского противостояния XIX – начала XX в. до сих пор дают о себе знать в обостренной на всем пространстве Центральной и Восточной Европы исторической памяти народов»¹.

Говоря об истории русско-польских отношений, уместной представляется характеристика, данная этим отношениям Чеславом Милошем, признавшим, что «описать запутанные истоки распри так же трудно, как причины застарелой вражды двух семейств, испокон веков живущих на одной улице /.../ и корни здесь уходят куда глубже двух последних веков»².

Действительно, хотим ты того или не хотим, но есть все основания констатировать, что имеющий за своими плечами долгую историю польский вопрос, а также его преломление в отечественной полонистике XIX в., не утратили ни своей злободневно политической, ни научной значимости и в России XXI века. Все это – в сочетании с недостаточной разработанностью данной проблематики в нашей исторической литературе – определяет актуальность настоящего исследования.

¹ Горизонтов Л.Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи. 1831 г. – начало XX в.: Ключевые проблемы. Автореф. ... дин. М., 1999. С. 1.

² Милош Ч. Родная Европа. М.; Вроцлав, 2011. С. 119–120.

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования является русская общественная мысль дореволюционного периода, а предметом – исторические сочинения и публицистика, так или иначе отразившие восприятие польского вопроса русским обществом XIX в.

В значительной мере работа носит интердисциплинарный характер, поскольку рассмотрение в ней эволюции польского вопроса сочетается с анализом тех сдвигов, какие происходили в отечественной полонистике на протяжении более чем столетия.

Хронологические рамки исследования. Основное внимание в работе уделено материалам XIX – начала XX вв., т.е. периоду, когда в состав Российской империи входило Королевство Польское, политические события в котором и в соседних с ним губерниях (включавшие в себя восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг.) придавали особую злободневность обращению русских историков и публицистов к польской тематике.

Вместе с тем логика исследования эволюции польского вопроса заставляет – хотя бы кратко – рассмотреть то, как, начиная еще с давних пор, задолго до XIX в., формировалась русская традиция в подходе к польскому вопросу и постепенно закладывались основы отечественных полонистических студий.

Источниковая база исследования. В комплекс используемых в диссертации источников вошли как уже попадавшие в поле зрения исследователей исторические труды (Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, В.И. Герье, С.М. Соловьева, Н.И. Кареева, Н.Н. Любовича, А.Л. Погодина, А.А. Корнилова и мн. др.), так и недостаточно используемые в современном нам научном обороте тексты.

Специфика темы подразумевает, что исторические труды одновременно могут использоваться и как источники, и как историография. Опираясь в первую очередь на печатную продукцию (что продиктовано постановкой проблемы исследования), диссертант, вместе с тем, привлек и архивные материалы. Так, в диссертации анализируется ранее не обращавший на себя достаточного внимания исследователей лекционный курс по истории Польши, прочитанный О.М. Бодянским в Московском университете (ОР РНБ). В современный нам научный оборот вводятся фактически забытые труды Н.И. Павлицева (включая материалы РО ИРЛИ) – автора первого в России гимназического учебника по истории Польши и солидных монографий, посвященных изучению проблем польской истории.

Понимая под исторической полонистикой XIX века – научной славистической дисциплиной, которая в начале XIX столетия пребывала на стадии становления и лишь в 1860-е годы вступает в фазу своего активного развития, диссертант использует не только собственно исторические труды. В качестве источников привлечены также публицистические сочинения, отчасти – художественные произведения и мемуары, которые есть основание рассматривать с точки зрения преломления в них польского вопроса.

Цель исследования заключается в том, чтобы, собрав и систематизировав материалы, касающиеся рассматриваемой темы, выяснить, как в историко-культурном контексте взаимодействовали между собой польский вопрос (понимаемый широко, в том числе, как мировоззренческая категория) и российская историческая полонистика.

Соответственно автор ставил перед собой следующие **задачи**:

- проанализировать их под углом зрения как сути и эволюции польского вопроса, так и тех существенных перемен, какие происходили не только в сфере ис-

торической науки, изучающей историю Польши, но и в представлениях русского общества о Польше и поляках;

- выявить основную направленность и характер наблюдаемых в исследуемый период сдвигов в содержании и интенсивности занятий русских ученых и публицистов рассматриваемой в диссертации проблематикой;

- выявить типичность сюжетов из польской истории, привлекавших особое внимание отечественных авторов, прослеживая судьбы бытования и распространения этих сюжетов в российской исторической полонистике XIX в.;

- выделить ключевые моменты, нашедшие отражение в исторической памяти двух соседних народов и вошедшие в историческую традицию, затрудняющие взаимопонимание и налаживание диалога между двумя славянскими народами;

- показать специфику восприятия польского вопроса русским обществом XIX – начала XX века с учетом как сложившихся к тому времени идеологических и культурных стереотипов, так и политических и культурных реалий эпохи;

- определить контекст преломления польского вопроса в русской исторической традиции, сконцентрировав внимание на выяснении сложной взаимосвязи между динамикой российских полонистических студий и общественно-политическими переменами, происходившими в Российской империи;

- уточнить датировку и сущностное определение такого понятия как польский вопрос;

- скорректировать периодизацию истории отечественной полонистики XIX – начала XX вв. в контексте принятой в историографии периодизации истории русского славяноведения в целом.

Методологическая основа исследования. Исследование базируется на общенаучных принципах *историзма* и *объективности*, что предполагает изучение исторических фактов и явлений в их изменчивости и развитии в контексте разнородных (многогранных и зачастую противоречивых) конкретно-исторических условий и обстоятельств.

В исследовании использованы различные методы исторического анализа, в частности, *проблемно-хронологический* метод, в соответствии с которым проблемы русско-польских взаимоотношений, находившие отражение в русской общественной мысли, анализируются в их развитии и в хронологической последовательности. Изучение эволюции польского вопроса и различных этапов развития отечественной исторической полонистики XIX века обусловило применение *синхронного* и *диахронного* методов исследования. Специфика темы историографического исследования потребовала использования методов *текстологического* и *герменевтического анализа* источников. С учетом специфики изучаемых объектов, характеризующихся сложным переплетением научно-познавательных, художественно-культурных и злободневно-политических элементов, в рамках комплексного подхода, реализуемого в историческом исследовании, использовались также методы *социокультурного* и *историко-антропологического* анализа. Использование *историко-генетического* метода позволило проследить бытование польского вопроса в русской исторической полонистике (понимаемой здесь широко, подразумевая не только собственно исторические труды, но также публицистику и отчасти художественную и мемуарную литературу) на протяжении длительного времени.

Научная новизна исследования. Практически впервые под таким углом зрения и столь детально, с учетом как менявшейся политической и культурной ситуации в Российской империи, так и тех перемен, какие происходили в сфере полити-

ки и культуры в самих польских землях, рассматривается обширный комплекс разновременных и разнородных по своему характеру и содержанию материалов, в которых так или иначе преломлялся польский вопрос.

Проведенное исследование позволило скорректировать понимание такого, казалось бы, общеизвестного термина как польский вопрос. Уточнено смысловое и содержательное понимание польского вопроса как своеобразного явления русской общественной жизни XIX в., отношение к которому в той или иной мере отражалось, в том числе, на состоянии разделенных польских земель.

В исследовании впервые показано, что в российской исторической полонистике XIX в. имело место именно преломление польского вопроса, а не вполне ожидаемое присутствие в русской историографии польской темы.

Впервые показано, что в России XIX столетия существовала прямая и обратная зависимость между польским вопросом и состоянием исторических полонистических исследований. Не только обострение польского вопроса воздействовало на интенсивность развития полонистических студий, но активное и углубленное изучение польской истории воспринималось как возможность разрешения польского вопроса.

В ходе проведенного исследования предложена уточненная, по сравнению с распространенной в настоящее время, периодизация истории российской исторической полонистики XIX в.

Теоретическая и практическая значимость работы. Проведенное исследование позволяет выработать пути дальнейшего всестороннего исследования отечественной исторической полонистики, в том числе, с более широким применением междисциплинарного подхода, способным обеспечить возможность формулировать научно-исследовательские задачи на стыке историографических, конкретно-исторических исследований и исследований в сфере иных гуманитарных знаний для создания (реконструкции) более целостного образа исторической реальности.

Содержащиеся в исследовании основные выводы и положения, а также лежащий в их основе фактический материал могут быть использованы в научно-педагогической практике, при дальнейшей разработке широкого круга вопросов, связанных с историей русско-польских культурных связей, историей отечественной и польской общественной мысли, историей российской полонистики, при подготовке лекционных курсов и учебных пособий, – как по истории русской и польской общественной мысли, так и по историографии истории западных славян.

Степень изученности темы. К рассмотрению польского вопроса и его места в общественно-политической жизни России вместе с отражением этих явлений в русской исторической традиции, так или иначе, обращались уже сами современники таких драматических событий как разделы Речи Посполитой, передел польских земель на Венском конгрессе, Ноябрьское и Январское восстания. Темпераментно обсуждая эти события, аргументируя собственную позицию и изобличая своих идейных и политических оппонентов, они постоянно возвращались к прошлому Польши и России, к истолкованию этого прошлого в публицистике и научной литературе. Эскурсы историографического характера займут видное место как в отечественных, так и в иностранных (прежде всего, польских) трудах XIX – начала XXI вв.

Следует признать, что литература, касающаяся польского вопроса и его преломления в дореволюционной отечественной исторической полонистике, доста-

точно обширна и разнородна. Здесь присутствуют как изыскания строго научного характера, так и злободневная, предельно политизированная публицистика. Вообще в трудах на интересующую нас тему наука и политика зачастую оказывались переплетенными друг с другом самым тесным, неразрывным образом.

Важнейшими вехами на пути осмысления польского вопроса в русском обществе и разработки интересующей нас проблематики выступают восстания 1830 и 1863 гг., а также другие социально-политические события, оказывавшие сильнейшее влияние на ментальный климат эпохи. Драматичность русско-польских взаимоотношений, крайняя их болезненность для обеих сторон конфликта наложат свою печать на восприятие русским обществом польского вопроса в любом его проявлении, и это самым непосредственным образом отразится на историографии рассматриваемой здесь проблемы.

Особое место в литературе вопроса занимают такие труды обобщающего характера, как статья (цикл статей) А.Н. Пыпина «Польский вопрос в русской литературе» (1880) или монография Н.И. Кареева «Падение Польши» в исторической литературе» (1888). Однако в рамках краткого историографического обзора характеристику названных, бесспорно значимых для диссертационной темы произведений Нового времени, следует оставить в стороне, поскольку об этих фундаментальных трудах, их месте в историографическом процессе и влиянии на развитие польского вопроса речь идет в соответствующих разделах диссертации. Приходится учитывать, что как эти капитальные труды, так и ряд других статей и книг дореволюционного периода предстают в диссертации в двояком качестве. С одной стороны, они выступают предметами предпринятого исследования, ставящего своей целью выяснение того, как их авторами трактовался польский вопрос, позволяя (когда более, когда менее внятно) уяснить, каким образом та или иная трактовка воздействовала на состояние польского вопроса. Но, с другой стороны, названные (и прочие) труды являются своего рода носителями сделанных их авторами порой весьма существенных наблюдений историографического характера.

Иными словами, говоря о степени изученности проблемы, целесообразнее остановиться лишь на тех наиболее значительных исследованиях, которые появились уже в Новейшее время, т.е. вне хронологических рамок данного диссертационного исследования. Труды подобного рода занимают видное место в отечественной научной продукции XX – начала XXI вв.

Если, в таком случае, сразу переходить к литературе советского и постсоветского периодов, то придется, прежде всего, констатировать, что на протяжении ряда лет интересующая нас проблематика практически не разрабатывалась. Точнее говоря, о Польше и поляках всегда писали немало – такие сюжеты, как русско-польские революционные связи или советско-польская война 1919–1921 гг., не сходили со страниц советских книг и журналов. Но иные аспекты польского вопроса практически не привлекали к себе внимания исследователей.

Что касается традиции изучения русско-польских революционных связей, то подобная тематика активно разрабатывалась Феликсом Коном и другими польскими эмигрантами в Советском Союзе. Позднее она получит развитие в ряде отечественных работ и, в частности, займет значительное место в монографии С.Н. Драницына «Польское восстание 1863 года и его классовая сущность» (Л., 1937).

В послевоенные десятилетия информация о состоянии польского вопроса в России XIX столетия войдет в ряд трудов, касавшихся истории русско-польских революционных контактов, в частности, в контексте изучения истории польских

восстаний. К этой теме не раз обращались такие исследователи, как В.А. Дьяков, С.М. Фалькович, И.С. Миллер, М.В. Миско, А.Ф. Смирнов, В.Г. Ревуненков, С.М. Стецкевич и др.³ Среди многочисленных трудов, вышедших под эгидой Института славяноведения и балканистики АН СССР, имеющих прямое отношение к диссертационной тематике, назовем хотя бы коллективную монографию «Очерки революционных связей народов России и Польши; 1815–1917» (М., 1976), где польский вопрос рассмотрен в широком контексте – от совместной борьбы под лозунгом «За нашу и вашу свободу» до характеристики русско-польских культурных контактов.

Однако со временем, ближе к исходу XX века число трудов, связанных с изучением русско-польских революционных связей, заметно пойдет на убыль, уступая место исследованиям по Новейшей истории. Теперь все больше обращают на себя внимание исследования в области истории общественной мысли как польской, так и русской⁴. Аналогичные процессы в определенной мере характерны и для польской историографии, которая в силу произошедших в стране перемен во многом изжила свои прежние увлечения революционной тематикой в контексте русско-польских отношений XIX века.

Исходя из широкой трактовки польского вопроса, к историографии вопроса следует отнести огромный пласт работ, посвященных истории русско-польских культурных контактов. Значительный вклад в разработку этой многогранной темы был внесен такими отечественными исследователями, как А.И. Рогов, Б.Н. Флоря, Ю.А. Лимонов, А.С. Мыльников, Н.И. Щавелева и др.⁵. Ряд вопросов, так или ина-

³ См.: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи. М., 1960; Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года. М., 1962 (среди авторов этого сборника статей и материалов – В.А. Дьяков, С.М. Фалькович, Л.А. Обушенкова, Ю.И. Штакельберг и др.); Русско-польские революционные связи. В 2 т. М.–Вроцлав, 1963; Революционная Россия и революционная Польша (Вторая половина XIX в.). М., 1967; Связи революционеров России и Польши конца XIX – начала XX вв. М., 1968; Дьяков В.А. 1) Состояние и задачи изучения русско-польского революционного сотрудничества в допролетарский период // Связи революционеров России и Польши XIX – начала XX веков. М., 1968; 2) Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890). М., 1972. Подробнее о трудах В.А. Дьякова см.: Владимир Анатольевич Дьяков (1919 – 1995). М., 1996; Дьяков В.А., Миллер И.С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964; Фалькович С.М. Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х гг. XIX в. М., 1966; Смирнов А.Ф. 1) Революционные связи народов России и Польши: 30–60-е годы XIX в. М., 1962; 2) Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963; Миско М. В. Польское восстание 1863 г., М., 1962; Фалькович С.М. 1) Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х гг. XIX в. М., 1966; 2) Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907 – 1912). М., 1975; Яжборовская И.С. 1) У истоков польского освободительного движения. М., 1976; 2) Идеино-развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX – первая треть XX вв.). М., 1973; Зайцев В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973.

⁴ См., напр.: Дьяков В.А. 1) Идея славянской взаимности и ее воздействие на развитие славяноведения (конец XVIII – первая половина XIX в.) // *Štúdie z diejín svetovej slavistiky do polovice 19. storocia*. Bratislava, 1978; 2) Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993; Фалькович С.М. 1) Отношение польского национального движения к Австрийской империи и идеологии австрославизма в контексте идей панславизма и пангерманизма (50 – 70-е годы XIX в.) // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1995. С. 135–162; 2) Национальный вопрос в русской и польской революционно-демократической мысли // Там же. С. 213–236; Филатова Н.М. Польский политический либерализм в 1815 – 1820 гг. // Там же. С. 44–69; и др.

⁵ Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966; Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век). СПб., 2004; Лимонов Ю.А. 1) Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978; 2) Летописания Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967; Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000; Свирида И.И. Между Петербургом, Варшавой и Вильно. Художник в культурном пространстве. М., 1999; Мочалова В.В. 1) Русско-польские литературные связи XVII–XVIII вв. и становление личностного начала в русской литературе // Литературные связи и литературный процесс: из опыта славянских литератур. М., 1986; 2) Петербургские поляки (Сенковский, Булгарин) и Мицкевич // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М., 2007; Мыльников А.С. Картина сла-

че связанных с диссертационной тематикой, активно разрабатывался, и продолжает разрабатываться, не только историками, но и литературоведами (В.А. Францев, Г.П. Федотов, Д.Д. Благой, С.Н. Браиловский, В.Э. Вацуру, В.А. Хорев, Д.П. Ивинский, И.Л. Великодная, А.В. Кушаков, А.В. Липатов, В.В. Мочалова, Н.М. Филатова и др.)⁶. Одним из свидетельств живого интереса к этой проблематике и – в то же время – показателем интенсивности русско-польских научных контактов в XXI в., могут служить ряд коллективных трудов российских и польских ученых «Поляки в глазах русских – русские в глазах поляков»⁷, «Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты» (М., 2011) или изданная в Санкт-Петербурге монография польского историка Петра Глушковского «Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений» (2013).

Среди трудов, расширяющих наши представления о разных сферах бытования польского вопроса в России, немало таких, центральным сюжетом в которых выступают исследования этноконфессиональной ситуации в Российской империи. Самые заметные из них, вышедшие в последние годы, это монографии М.Д. Долбилова «Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II» (М., 2010) и А.Ю. Бендина «Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.)» (Минск, 2010), как и другие работы обоих авторов. Несколько ранее (по сравнению с названными) вышла монография А.А. Комзоловой «Политика самодержавия в Северо-Западной крае в эпоху Великих реформ» (М., 2005). Работы М.Д. Долбилова, А.И. Миллера, М.В. Калашникова и ряда других авторов составляют одно из активно и плодотворно разрабатываемых в современной историографии направлений, – исследование имперской политики России (зачастую под эгидой *Ab Imperio*), в том числе в польских землях. В контексте разработки подобного рода проблематики важно отметить выход в свет коллективного труда «Западные окраины Российской империи» (М., 2007), где, помимо прочего, со знанием дела была охарактеризована современная украинская, польская, литовская и белорусская историография вопроса или двухтомного исследования международного коллектива авторов (А.И. Миллер, М.Д. Долбилов, П. Верт, Э. Лор и др.) «Понятия о России. К исторической семантике имперского периода» (М., 2012), а также «переводных» сборников трудов «Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет» (М., 2005), «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма» (М., 2010), где авторами выступили признанные специалисты в этой области исследований (А. Каппелер, Р. Брубейкер, Х. Кон, А. Реннер, Т. Виск и др.).

вянского мира: Взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996; Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории Яна Длугоша» (книги I – VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004.

⁶ См., напр.: Францев В.А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.: Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник. Прага. 1929; Кушаков А. Пушкин и Польша. Тула, 1978; Вацуру В.Э. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг.: (Разыскания) // Вацуру В.Э. Избранные труды. М., 2004; Муравьева О. «Вражды бессмысленной позор...»: Ода «Клеветникам России» в оценках современников // Новый мир. 1994; Ивинский Д.П. Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений. М., 2003; Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005; Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997; Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004.

⁷ См., напр.: *Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków*. Warszawa, 2000; Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000; и др.

По-своему дополняют общую характеристику внутривосточной обстановки в Российской империи, где польский вопрос выступал болезненной, но не единственной проблемой, исследования, посвященные истории русского консерватизма XIX в., начала которого нередко связывают с Н.М. Карамзиным (В.Я. Гросул, В.А. Твардовская, А.Ю. Минаков, В.А. Гусев, А.В. Репников)⁸.

Существенное значение для понимания атмосферы, в которой пребывало русское общество и, в том числе, российская историческая полонистика, будучи в состоянии перманентного столкновения с польским вопросом, имеют историософские исследования В. Кантора, такие как – «Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ)» (М., 2001), «Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России» (М., 2007) (хронологически выходящие за рамки XIX в., что как раз соответствует пониманию польского вопроса диссертантом), «Любовь к двойнику. Миф и реальность русской культуры» (М., 2013), или, например, монография 1929 г. Александра Койре «Философия и национальная проблема в России в начале XIX века» (М., 2003), по-прежнему привлекающая к себе внимание исследователей и широкого круга читателей, разделяющих интерес французского автора к феномену имперской России.

Под углом зрения заявленной темы особую важность представляют работы Л.Е. Горизонтова, в том числе, монография «Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше» (М., 1999). В трудах Л.Е. Горизонтова детальное освещение получила политика Российской империи (в контексте которой по-своему отразилось переплетение польского и русского вопросов) в отношении одной из социальных категорий своих подданных – поляков. Отдельно следует сказать о капитальных трудах П.В. Стегния «Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795» (М., 2002) и Б.В. Носова «Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768» (М., 2004), в которых польский вопрос был рассмотрен в контексте взаимоотношений Пруссии, Австрии и России накануне и в эпоху разделов. Но если монография П.В. Стегния с концептуальной точки зрения примыкает к тому направлению в отечественной литературе вопроса, которое идет от С.М. Соловьева и его продолжателей, традиционно оправдывавших действия Екатерины сложившимися обстоятельствами, то фундаментальное исследование Б.В. Носова представляет собой отказ от ранее устоявшихся и зачастую упрощенных трактовок. Кроме того, не раз предметом исследований Б.В. Носова становится отечественная и зарубежная историография проблемы (Разделы Речи Посполитой и русско-польские отношения второй половины XVIII века в зарубежной историографии (1970-е – начало 1990-х годов) // Славяноведение. 1993. № 5; Разделы Речи Посполитой в трудах польских и российских историков второй половины XIX – начала XX вв. и становление современной историографии // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. М., 2003; и др.).

⁸ См., напр.: Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М., 2000; Гусев В.А. 1) Консервативная русская политическая мысль. Тверь, 1997; 2) Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001; Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; Минаков А.Ю. 1) Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011; 2) Русская партия в первой четверти XIX века. М., 2013. Из англоязычной литературы (в том числе, в переводе) привлекают к себе внимание труды Р. Пайпса, посвященные как истории имперской России в целом (Пайпс Р. Россия при старом режиме М., 1993), так и изучению специфики русского консерватизма (Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М., 2008).

Для заявленной в диссертации темы большое значение имеет коллективная монография «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830» (М., 2010), где польский вопрос выступает в своем привычном качестве – как внутренняя проблема Российской империи. Особое значение для нашей темы имеет раздел этой монографии «Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг.», написанный Н.М. Филатовой, а также многие другие работы Н.М. Филатовой. Отдельного упоминания заслуживает исследование М.В. Лескинен «Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: ”другой” сквозь призму идентичности» (М., 2010), имеющее значение как для характеристики состояния российской науки XIX века, так и социокультурной атмосферы, свойственной для России той поры. Для понимания менталитета польской шляхты, которая многократно вызывала нарекания со стороны русских авторов XIX века, важны и другие труды М.В. Лескинен, в которых охарактеризованы сарматская идеология и сарматская культура, в частности, монография «Мифы и образы сарматизма» (М., 2000), разделы в коллективных трудах «Польская культура в зеркале веков» (М., 2007), «Категории и концепты славянской культуры» (М., 2008), «Утопия и утопическое в славянском мире» (М., 2002) и др.

Упомянутые труды, а также работы Н.И. Цимбаева, В.А. Китаева, Б.Ф. Егорова, А.А. Ширинянца и др.⁹, посвященные истории общественной мысли в Российской империи, не только характеризуют состояние русского общества XIX века, но и дают представление о той обстановке, в которой развивалась отечественная историческая полонистика. Помимо прочего, эти исследования позволяют точнее оценить ту роль, какую польский вопрос играл в полемике славянофилов и западников (даже учитывая условность этих привычных дефиниций).

Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что при всем тематическом разнообразии появившихся в советской полонистике второй половины XX в. работ, – от изысканий в области внешнеполитической (В.Д. Королук, И.Б. Греков, Б.Н. Флоря, В.Г. Ревуненков) и социально-экономической истории (Д.Л. Похилевич, Л.В. Разумовская, В.А. Якубский) до истории культуры и культурных связей (А.И. Рогов, И.И. Свирида, Л.А. Софронова), сравнительно мало внимания по-прежнему уделялось изучению истории отечественной полонистики. В еще меньшей степени в контексте развития отечественной полонистики говорилось о польском вопросе – вернее, его преломлении в исторической полонистике.

Что касается собственно историографических сюжетов, то, приходится констатировать, что к более систематическому их изучению одним из первых среди советских историков обратился В.А. Дьяков, который, помимо прочего, принял самое деятельное участие в подготовке таких фундаментальных трудов, как «Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь» и «Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян»¹⁰. Среди работ В.А. Дьякова историографического характера особый интерес с точки зрения заявленной темы представляет статья «Польская тематика в русской историографии конца XIX – начала XX века» (Н.И. Кареев, А.А. Корнилов, А.Л. Пого-

⁹ См., напр.: Цимбаев Н.И. 1) И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978; 2) Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986; Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983; Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана. М., 2003; Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004; Ширинянец А.А. Русский хранитель. М., 2008.

¹⁰ Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.

дин, В.А. Францев)» (1981). Говоря об отечественной историографии вопроса, нельзя не подчеркнуть ту роль, какую в разработке рассматриваемой здесь проблематики сыграла ленинградско-петербургская школа славистики, представленная, прежде всего, трудами С.И. Стецкевича, В.А. Якубского¹¹ и их учеников, среди которых особо надо отметить работы В.В. Кутявина¹².

Отдавая должное работам М.Ю. Досталь, Е.П. Аксеновой, А.Н. Бачинина и других ученых, которые внесли свой вклад в изучение отечественной исторической славистики XIX в., подчеркнутое внимание обращает на себя обширный цикл историографических трудов Л.П. Лаптевой. В ее фундаментальных монографиях «История славяноведения в России в XIX веке» (М., 2005) и «История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в.» (М., 2012) вводится в научный оборот огромный архивный материал, непосредственно касающийся, в том числе, состояния отечественной полонистики¹³.

В последнее время успешно развиваются историографические, и, в том числе, полонистические, исследования в Гродненском государственном университете Беларуси (под руководством А.Н. Нечухрина). С точки зрения нашей темы, наибольший интерес представляют работы Т.Т. Кручковского, посвященные изучению истории Польши в дореволюционной российской историографии (в частности, в трудах Н.М. Карамзина, Н.И. Кареева, В.О. Ключевского)¹⁴, хотя, на наш взгляд, польский вопрос, которого автор не раз касается, не получил в его работах должной трактовки.

Говоря о состоянии изученности вопроса в польской историографии, в первую очередь следует обратиться к фундаментальной монографии Мариана Хенрика Серрейского «Европа и разделы Польши» (Варшава, 1970), которая во многом перекликается с монографией Н.И. Кареева «Падение Польши в исторической литературе» (1888), однако польский автор, сконцентрировав свое внимание на работах конца XIX–XX вв., все же иначе, чем его российский предшественник, подошел к рассмотрению историографии разделов Польши. Среди недавних польских историографических трудов следует назвать исследования Катажины Блаховской. Это,

¹¹ См., напр.: Якубский В.А. 1) Республиканские и монархические тенденции в Речи Посполитой накануне ее падения и их освещение в историографии // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1968; 2) Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2000. Вып. 2; 3) «Польское бескорольевье» А.С. Трачевского и его историографический контекст // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2001. Вып. 3.; Стецкевич С.М., Якубский В.А. 1) Фридрих Энгельс о внутренних причинах падения Речи Посполитой. (К вопросу об истоках марксистской концепции) // Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время. М., 1974; 2) Становление и развитие советской исторической полонистики // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981.

¹² См., напр.: Kutiawin W. Polska i Polacy w historiografii rosyjskiej // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan. Warszawa, 2006; Kutiawin W. Pamięć historyczna Rosjan: między dziejopisarstwem akademickim a historiografią „ludową” // Pamięć i politika historyczna: Doświadczenia Polski i jej sąsiadów. Łódź, 2008.

¹³ См. также: Лаптева Л.П. 1) Социально-экономическое положение и политическая ситуация славянских народов перед Первой мировой войной в освещении А.Л. Погодина // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010; 2) Русский историк-славист Александр Львович Погодин. Жизнь и творчество (1872–1947). М., 2011; и мн. др.

¹⁴ См., напр.: Кручковский Т.Т. 1) Кручковский Т.Т. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX – начала XX века // Славяноведение. 1993. № 5; 2) Отношения Польши и Великого княжества Литовского в период от Кревской до Люблинской уний в оценке российской историографии второй половины XIX – начала XX вв. // Смена парадигм в историографии XIX – начала XX в. – Гродно, 2012; 3) Падение Речи Посполитой в оценке Н.М. Карамзина // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша. Гродно, 2012.

в частности, такие монографии, как «Рождение империи: Территориальное расширение государства в представлении российских историков XVIII и XIX веков», где основное внимание исследовательницы сосредоточено на выяснении того, каким образом в трудах русских историков получала развитие имперская идея. Под таким углом зрения Блаховской были рассмотрены труды целой плеяды русских историков XVIII – первых десятилетий XX веков (от В.Н. Татищева до М.Н. Покровского), а также монография «Одно государство – много историй: Образ истории Великого княжества Литовского в представлении историков польских, российских, украинских, литовских и белорусских»¹⁵.

В трудах Блаховской и ряда других польских ученых на первый план, как правило, выходит именно имперская составляющая российских исторических концепций. Примером такого рода исследований может служить капитальная монография Анджея Новака «От империи к империи: Взгляд на историю Восточной Европы» (Краков, 2004). Обозревая период от петровских времен до первой трети XIX в. включительно (в историографической плоскости – до Карамзина и Пушкина), исследователь показывает, каким образом польский вопрос был интегрирован в концепцию, как он выражается, «просвещенного российского империализма», особое внимание уделяя тому, сколь заметную роль сыграл Н.М. Карамзин в распространении и утверждении в русском обществе антипольских настроений. Для исследовательской манеры не только этого польского ученого характерно стремление к созданию масштабных по охвату материала трудов, в которых изложение событий органично сочетается с историософическим их осмыслением.

Несколько иной подход к проблематике демонстрирует в своем фундаментальном исследовании Хенрик Глембоцкий «Фатальное дело: Польский вопрос в русской политической мысли (1856–1866)» (Краков, 2000). Рассматривая польский вопрос в контексте общественно-политических событий эпохи Январского восстания, ученый сконцентрировал свое внимание на том, как интерпретировались эти события на страницах тогдашней русской прессы (в том числе эмигрантской). В поле зрения польского исследователя оказались суждения И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, А.И. Герцена, М.Н. Каткова, Н.Я. Данилевского и ряда других общественных и государственных деятелей. В своей последней монографии (Краков, 2012)¹⁶ Глембоцкий всесторонне рассматривает непростую историю взаимоотношений (если можно так выразиться) одного из активных деятелей польского восстания 1830 г. графа Адама Гуровского и России. В контексте темы Россия – Запад, составной частью которой в Российской империи воспринимались отношения России с Польшей, привлекают к себе внимание капитальные труды Анджея Валицкого, внесшие существенный вклад в разработку этой масштабной темы¹⁷.

Под каким бы углом зрения в XIX веке ни рассматривались русско-польские взаимоотношения и процесс формирования национальной идентичности как в России, так и в Польше, всегда дает о себе знать крайняя устойчивость стереотипов восприятия поляков в России, и русских в Польше, что неизбежно отзывалось как

¹⁵ Błachowska K. 1) *Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku*. Warszawa, 2001; 2) *Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku*. Warszawa, 2009.

¹⁶ Głębocki H. «Diabeł Asmodeusz» w niebieskich binoklach i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków, 2012.

¹⁷ См., напр.: Walicki A. 1) *Rosja, katolicyzm i sprawa polska*. Warszawa, 2002; 2) *Zarys myśli Rosyjskiej. Od Oświecenia do Renesansu religijno-filozoficznego*. Kraków, 2005.

на состоянии польского вопроса, так и на российской полонистике. В большей или меньшей степени изучение этой темы находит отклик в польской и российской научной среде. Примером тому могут служить, например, работы Анджея Кемпиньского «Лях и Москаль. Из истории стереотипов» (Варшава, 1990) или Яна Орловского «Из истории антипольских предрассудков в русской литературе. От XVIII века до 1917 года» (Краков, 1992) – в Польше, а также содержательные исследования В.А. Хорева, А.В. Липатова, С.М. Фалькович, Н.М. Филатовой, В.В. Мочаловой (в том числе, в составе совместных русско-польских исследований) – в России.

Отдавая должное бесспорным достижениям в интересующей нас области исследований, нельзя, однако, не подчеркнуть, что ряд вопросов – начиная, скажем, с датировки появления польского вопроса в России и, что важнее, его трактовки, – все еще остается предметом дискуссий. Показателен не только большой разброс мнений по данному поводу, но и заметные расхождения в истолкованиях, какие при этом предлагаются. Кроме того, при известном разнообразии работ, так или иначе касающихся польского вопроса, комплексное исследование характера преломления этого вопроса в российской исторической полонистике на протяжении длинного XIX века, до сих пор не предпринималось.

Структура работы. Цель и задачи исследования определили его структуру, в основу которой положен хронологический принцип, позволяющий наиболее полно исследовать динамику процесса. Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. Справочный аппарат включает постраничные сноски, список использованных источников и литературы.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** дано обоснование темы, ее научной актуальности, представлен обзор привлекаемых в работе источников и литературы вопроса, охарактеризована степень изученности проблемы, отмечены дискуссионные и остающиеся до сих пор нерешенными вопросы. Среди них особое внимание уделено такой остающейся дискуссионной проблеме как трактовка и датировки польского вопроса, что имеет первостепенное значение в контексте заявленной темы.

Несмотря на то, что такое понятие (или термин) как польский вопрос и общеизвестно и широко употребляемо в историографии на протяжении последних двухсот лет, нет уверенности в том, что используя данный термин, мы трактуем его одинаково. Кроме того, приходится различать то, как толковали польский вопрос в XIX в., и то, какой смысл вкладывают в него историки другой эпохи, анализирующие события, случившиеся в позапрошлом столетии и события более ранние, касающиеся как самой Польши, так и русско-польских отношений. Поэтому есть все основания предложить вариант трактовки такого понятия как польский вопрос с учетом его восприятия как в XIX веке, так и в последующем.

К неясности того, что представляет собой польский вопрос содержательно, добавляются трудности определения временных границ самого понятия, иначе говоря, времени его возникновения в России. действительно, когда польский вопрос являет себя в русских пределах – проблема дискуссионная. Сразу, однако, скажем, что, на наш взгляд, своего рода начала польского вопроса в России следует искать гораздо ранее собственно XIX века, вне зависимости от того, что само устойчивое словосочетание – польский вопрос, несущее определенную смысловую нагрузку, – в большей степени принадлежит веку девятнадцатому. Безусловно, говоря об определенной смысловой нагрузке такого понятия как польский вопрос, неизбежно приходится сталкиваться с вариациями его толкования.

О польском вопросе, подразумевая внешнеполитические дела как самой Российской империи, так и международные отношения в Европе, писали как прежде, так пишут чаще всего и теперь, преимущественно применительно к рубежу XVIII–XIX веков. К такой датировке польского вопроса склонялся в свое время, например, А.А. Корнилов, предпочитавший рассматривать польский вопрос в плоскости международных отношений первых полутора десятилетий XIX столетия, констатируя, что именно решение польского вопроса представляло наибольшую трудность на Венском конгрессе. Впрочем, к тому времени, когда писал (1912–1914 гг.) Корнилов, подобная констатация уже стала общим местом.

Говоря о XIX веке, польский вопрос, в основном, трактуют в контексте внутривнутриполитических дел Российской империи, и, что обращает на себя особое внимание, речь при этом идет о взаимоотношениях между Королевством Польским (Привислинским краем), можно сказать, одним из субъектов империи, и собственно империей. Обострение польского вопроса как одного из внутренних вопросов Российской империи (шире – русского общества), конечно, всегда было связано с польскими восстаниями 1830 г. и 1863 г., причем, каждое из восстаний в русском обществе получило свои четкие ассоциации. Первое из них, Ноябрьское, прочно ассоциируется со стихотворным выступлением А.С. Пушкина, с его одой «Клеветникам России». Реакция русского общества на второе (Январское) во многом ассоциируется с «Заметкой по польскому вопросу» Н.Н. Страхова, окрестившего тогда польский вопрос – вопросом «роковым».

И в первом, и во втором случае польский вопрос, приобретая обостренное звучание на волне выступлений польских повстанцев, вызывал в русском обществе менее всего разночтений в смысле трактовки. В условиях обострения русско-польских отношений он выступал одновременно как дестабилизирующий фактор внутренней жизни Российской империи (эту самую жизнь возмущавший, так сказать, изнутри) и как дестабилизирующий фактор международных отношений Российской империи со странами Западной Европы, реагирующими на выступления поляков, что, в свою очередь, провоцировало реакцию на эти выступления со стороны имперских властей. В большей или меньшей степени, как констатировал А.Л. Погодин в своей монографии «История польского народа в XIX веке» (1915), со времени третьего раздела с польским вопросом никто из западноевропейских правителей не мог не считаться.

Однако все это вместе взятое – разделы Польши, Венский конгресс, образование Королевства Польского, восстания 1830 и 1863 гг. – лишь событийная канва, некий контур, в рамках которого в большей или меньшей степени проявлял себя польский вопрос. Но сама сфера бытования польского вопроса в Российской империи, в русском обществе была и шире и глубже, поскольку включала, в том числе, комплекс стереотипов в отношении Польши и поляков, который к началу XIX столетия становится достаточно устойчивым. Не будет большим преувеличением сказать, что самую заметную роль в укреплении и распространении этого комплекса (сложившегося, однако, раньше), на который с доверием и пониманием отзывалось русское общество на протяжении всего XIX столетия, сыграл Н.М. Карамзин, его знаменитая «История государства Российского» и злободневная публицистика.

С одной стороны, нельзя не согласиться с утверждением Л.Е. Горизонтова, что почти невозможно дать четкое определение тому, что есть польский вопрос. Но, с другой, затруднительность формулирования этой (по словам Горизонтова) «доста-

точно компактной дефиниции» не исключает попытки конструирования подобных дефиниций. И подобные попытки предпринимались уже давно.

Одну из попыток дать такое определение, причем попытку, вполне уверенную, предпринял полтора столетия назад С.М. Соловьев, прямо провозгласивший в одной из своих статей, что «польский вопрос родился вместе с Россией». Из этого лаконичного заявления (не привлечшего, впрочем, к себе особого внимания) следует, что Соловьев, судя по всему, под польским вопросом понимал едва ли не весь комплекс русско-польских отношений на протяжении всего длительного существования по соседству друг с другом Руси (России) и Польши (Речи Посполитой). Четко выраженное С.М. Соловьевым понимание того, когда возникает польский вопрос в России, отталкиваясь от которого появляется возможность конструировать и само определение этого понятия, пожалуй, не могло сложиться ранее 1860-х годов. Это суждение могло быть выработано только в результате углубленного анализа истории русско-польских отношений на протяжении веков, в результате длительной и кропотливой работы ученого, и только после уразумения того, чем польский вопрос был, и чем он является теперь, С.М. Соловьев оказался готов к тому, чтобы сформулировать свою мысль.

У С.М. Соловьева нашлись единомышленники и в польской среде. Примерно такого же понимания сущности польского вопроса придерживался один из видных польских историков и литературоведов XIX столетия Станислав Тарновский. Оглядываясь на многовековую историю двусторонних русско-польских контактов, польский историк делал акцент на отношениях между двумя цивилизациями, двумя, как он выражался, верами. Польский вопрос у Тарновского непосредственным образом вплетен в событийную канву XIV–XIX вв., пусть по-разному, в зависимости от обстоятельств, себя проявляя. При этом историк настаивал, что польский вопрос становится все более значимым фактором польско-русских отношений по мере усиления позиции России. Что важно, польский исследователь также не видел оснований ограничивать польский вопрос рамками только XIX века.

Подобной трактовки польского вопроса придерживается и современная польская исследовательница Катажина Блаховская. Практически вторя С.М. Соловьеву, Блаховская пишет, что «участие России в разделах стало последним аккордом в многовековой, ожесточенной борьбе двух соседних государств. Борьбе, в которой на протяжении всего этого времени Польша представляла собой смертельную опасность для России»¹⁸. Блаховская не скрывает, что ориентируется на Соловьева, но трактует слова русского историка по-своему. Если С.М. Соловьев писал, что во второй половине XVIII века России, как он выражался, «надобно было свести старые счеты с Польшею», то из того, что сказано Блаховской, следует, что Польша и в эпоху разделов была способна представлять для России серьезную (буквально – «смертельную») опасность. По мысли польского историка, Речь Посполитая даже накануне своей гибели была не столь слаба, как это настойчиво провозглашалось в российской историографии и публицистике XIX века. Как видно, классик русской историографии С.М. Соловьев и современный польский историк К. Блаховская сходятся в констатации самого факта многовековой борьбы, но совершенно по-разному оценивают силы своих стран. Уверенное заявление К. Блаховской базируется на солидной польской историографической традиции, но, на наш взгляд, особый интерес представляет то, что подобную оценку внутренней ситуации Речи По-

¹⁸ Błachowska K. *Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku*. Warszawa, 2001. S. 190.

сполитой на рубеже 1780-х – 1790-х гг. встречаем и в русской историографии начала XX века.

Достаточно взвешенно, и вполне оптимистично с точки зрения возможных (хоть и не открывшихся) для поляков перспектив, писал о состоянии польских дел в эпоху Четырехлетнего сейма А.Л. Погодин, рассматривавший деятельность Великого сейма как борьбу за спасение поляками своей родины. Пункт за пунктом отмечая благотворные приметы обновления, в которых Польша нуждалась, и которая способна была, на взгляд Погодина, обеспечить ей действующая (а не только провозглашенная) Конституция, историк фиксировал эвентуальные признаки новой жизни. Погодин, судя по всему, исходил из уверенности, что в случае осуществления задуманных польскими реформаторами преобразований, Речь Посполитая, невзирая на первый раздел, была способна превратиться в достаточно сильное государство.

Наблюдения над тем, что и как писалось о Польше и поляках в России XIX в., дает основания рассматривать польский вопрос как неотъемлемую часть всего комплекса русско-польских политических, общественных и культурных контактов на протяжении длительного времени. Однако следует признать: та мысль, что польский вопрос по существу тождественен многовековым русско-польским отношениям и, что существенно, тождественен их осмыслению россиянами, а его истоки теряются в глубине столетий, прозвучала еще до С.М. Соловьева. Чеканную поэтическую форму этой мысли (и, что существенно, сразу нашедшую отклик в душах многих обитателей Российской империи) придал А.С. Пушкин. Ответив всем «клеветникам России» в пору Ноябрьского восстания, поэт, можно сказать, предложил свою трактовку польского «вопроса, которого не разрешите вы». Подчеркнув внутрироссийский характер польского вопроса, Пушкин напомнил: «Уже давно между собою / Враждуют эти племена; / Не раз клонилась под грозою / То их, то наша сторона». Слова Пушкина, помимо прочего, свидетельствуют о том, что С.М. Соловьев в своей трактовке, в своем глубоком понимании истории польского вопроса для России – был не первым.

Учитывая, что исследователи, главным образом, датируют польский вопрос временем не раньше разделов Речи Посполитой, чаще даже с тяготением к XIX веку, приходится констатировать, что А.С. Пушкин и С.М. Соловьев по-прежнему оказываются в меньшинстве. Объяснение тому, что предпочтение, как правило, отдается не варианту Соловьева-Пушкина, самое простое: возникновение польского вопроса в Российской империи прочно увязывается со временем утраты Речью Посполитой государственной независимости – сначала частичной, а затем окончательной. В контексте рассуждений о польском вопросе допускались отдельные поправки по времени его возникновения, обусловленные уточнением обстоятельств (когда и как он себя проявил), но, пожалуй, дальше расхождений в несколько десятилетий, имея в виду датировку, дело все-таки не шло.

Так, В.И. Герье, обращаясь к эпохе, когда особенно заметно стала возрастать роль России в европейских делах, склонен был фиксировать внимание на малейших свидетельствах, имевших отношение к оценке роли и силы России в той борьбе, которая развернулась в 1733 году за польский престол. Русский историк не удержался даже от того, чтобы не передать слова французского маршала Тиссе, похоже, не сомневавшегося в том, что судьба польской короны находилась в руках русского императора. Признавая, что тогда все европейские правители проявляли заинтересованность в польском вопросе и, по мере своих сил, принимали участие в его

разрешении, В.И. Герье рассматривал польский вопрос в контексте международных отношений, тем самым невольно выступая за то, чтобы датировать появление польского вопроса первой третью XVIII века. Впрочем, нельзя исключать, что использование историком самой этой формулировки («польский вопрос») применительно к характеру описываемых им событий, было обусловлено всего лишь тем, что этот термин был уже широко распространен в современной В.И. Герье историографии XIX века.

Но, даже солидаризируясь с мнением С.М. Соловьева, что польский вопрос родился вместе с Россией, нельзя не учитывать того обстоятельства, что состояние польского вопроса не оставалось неизменным. Зато всегда неизменной оставалась решимость уразуметь, что этот вопрос представлял собой, по сути. Собственно, именно сущностное понимание польского вопроса диктует определение времени его возникновения – и наоборот. Так, профессор Варшавского университета И.П. Филевич, размышляя в своем сочинении 1894 г. об истории польского вопроса, признавался, что пусть нам точно и неизвестно, с каких пор ближайшие соседи – русские и поляки – поддерживали друг с другом взаимоотношения, но не приходится сомневаться в том, что эти взаимоотношения были враждебны. Филевич подчеркивал, что уже «при Владимире Святом мы видим грозное столкновение русского и польского мира; слепец Василько собирался “мстить ляхам за землю Русскую“, – древнейшие польские летописи полны хвастливых рассказов о польских победах над Русскими, а русские люди представляли себе беса “в образе ляха“». Во многом дублируя давно известные читающей публике сюжеты, И.П. Филевич, вместе с тем, предлагал заслуживающее внимания осмысление многогранности проявления польского вопроса в России. Историк настаивал, что польский вопрос «представляет не минутную общественную злобу. До сих пор в нем всегда оказывалось нечто, заставляющее опять и опять к нему возвращаться; а новые пересмотры вопроса всегда открывали в нем какие-нибудь новые стороны. Это черты, свойственные только крупным историческим вопросам»¹⁹. Из этого признания, по крайней мере, следует то, что польский вопрос на рубеже XIX–XX столетий по-прежнему оставался вопросом открытым, и открытым, в том числе, для разных толкований, ведь «в нем всегда оказывалось нечто»...

Другой замечательный свидетель эпохи – П.А. Вяземский, на склоне лет мысленно возвращаясь к последним годам царствования Александра I, утверждал, что в те времена польского вопроса еще не было. Объяснял он это тем, что тогда Польшу мало знали, и потому мало о ней говорили. Полагая, что это было «не хорошо», не без горечи спешил добавить, что в 1870-е гг. ситуация изменилась только в том смысле, что знать стали не больше, зато говорят – охотно, что также не способно вызывать одобрения.

Вяземский усматривал также и иные причины отсутствия во времена Александра I польского вопроса. Хорошо зная, что многие представители русского общества сетовали на то, что Царство Польское, созданием своим во многом обязанное Александру I, оказалось в привилегированном положении, он все-таки считал, что это было всего лишь подспудное недовольство создавшейся ситуацией, что оно не имело «племенной вражды».

Аналогичным образом, наверное, можно было бы трактовать и слова Пушкина, у которого на первом месте тоже, как будто, стояло (по выражению Вяземского) политическое соображение. Но можно ли с полной уверенностью сказать, под-

¹⁹ Филевич И.П. Польша и польский вопрос. М., 1894. С. 1–2.

разумевал ли поэт наряду с политическим соображением национальную подоплеку или нет? Во всяком случае, сама постановка Пушкиным вопроса: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет», вполне может говорить в пользу своего рода национальной составляющей понимания Пушкиным польского вопроса. Кроме того, отсутствие племенной вражды, и наличие – по мысли Вяземского – исключительно политических соображений, совсем не означало решительного, как он настаивал, отсутствия польского вопроса.

Когда уже в начале XX века по поводу тех давних лет, о которых в свое время вспоминал П.А. Вяземский, писал А.Л. Погодин, он решительно оспаривал мнение, что русское общество 1820-х гг. было совершенно индифферентно настроено по отношению к полякам. Опираясь, по-видимому, на иные, нежели князь Петр Андреевич, источники информации, Погодин настаивал, что русско-польские отношения в Варшаве отличали взаимное недоверие и неприязнь. Собственно, А.Л. Погодин всего лишь констатировал то, о чем не раз писали современники той эпохи, болезненно и раздраженно воспринимавшие все конституционные преобразования, какие, по воле Александра I, достались полякам. Все это расценивалось русским обществом не иначе, как унижение русского национального достоинства. А.А. Корнилов в этом смысле также оказывался на стороне своего младшего современника, будучи не склонен отрицать того, что антипольские настроения русского общества Александровской поры, если не сказать – враждебное отношение к полякам, были отнюдь не редкостью, свидетельств чему было немало.

Когда А.Л. Погодин писал о «“польском вопросе”», которого тогда будто бы и не было», историк, скорее всего, давал понять, что сам он был уверен, что вопрос, разумеется, существовал, но, другое дело, что в русском обществе преобладало желание «будто бы» отгораживаться от польского вопроса, тем самым невольно умаляя его значение. Сопоставление даже нескольких суждений – А.С. Пушкина, С.М. Соловьева, П.А. Вяземского, В.И. Герье, А.А. Корнилова, А.Л. Погодина (а таких суждений, размышлений, конечно, гораздо больше) – лишний раз убеждает в необходимости переосмысления (и пересмотра датировки) того явления, которое в историографии привычно именуется польским вопросом.

Терминологические и хронологические расхождения между авторами, безусловно, компетентными, равно как и сопутствовавшая этому различная расстановка акцентов при обозначении сути польского вопроса, лишний раз напоминают о сложности, многогранности изучаемого объекта, где злободневно политические реминисценции тесно переплетались как с традиционно стереотипной трактовкой близкого и далекого прошлого польского народа, так и с научным осмыслением польского исторического процесса в исторической литературе. Одновременно такой разнобой во взглядах явственно свидетельствует и о недостаточной изученности проблемы, в частности, в контексте российской исторической полонистики XIX столетия, чему и посвящена данная диссертация.

В первой главе («Польша и поляки в русской исторической традиции до первой четверти XIX в.»), носящей вводный характер, кратко рассмотрен ход накопления и осмысления в русских землях исторической информации о Польше. Заметными вехами на этом, берущем начало от «Повести временных лет» пути, выступают «Хроника» Матвея Стрыйковского и другие памятники исторической мысли раннего Нового времени. Видное место в этом ряду занял – по своей сути стоявший ближе к мифу, чем к науке – «Синописис» (1674), который помимо проче-

го, демонстрирует тесное взаимодействие польско-литовской и русской историографических традиций.

Использование польского опыта в русской практике историописания не обошлось без издержек, на что в свое время указывал такой знаток предмета, как А.Н. Пыпин. Но в целом взаимодействие такого рода оказалось продуктивным, что подтверждают наблюдения над трудами А.И. Лызлова и других авторов. На информацию, почерпнутую из польско-литовских сочинений, в значительной мере, как известно, опирались В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов и другие писатели эпохи Просвещения, под пером которых историописание постепенно обретало черты подлинной науки.

На процесс формирования в русском обществе представлений о поляках и их прошлом заметное влияние оказывали стереотипы, складывавшиеся под воздействием этноконфессиональных и политических конфликтов между Польшей и Россией. Присущий ряду отечественных произведений строго критический подход к информации, идущей от польско-литовских авторов, был своего рода производным от двух разнородных факторов. С одной стороны, не только совершенствовалась исследовательская техника, и соответственно возрастали требования к историческим сочинениям, но, с другой, проявляло себя стремление представить национальное прошлое в благоприятном для России свете, списав информацию иного рода на «басни и лжи» иноземцев.

Немалую роль в развитии полонистических исследований в России сыграла деятельность Н.Н. Бантыш-Каменского, стараниями которого в научный оборот были введены своды источников, составившие фундамент для целого ряда полонистических трудов. По мере усиления имперско-этноистических тенденций все большее внимание в российской полонистике станет привлекать броская антитеза: с одной стороны, набирающая силу самодержавная Российская монархия, и, с другой, деградирующая Речь Посполитая, – республика, которую губит шляхетское (вариант: магнатское) своеволие. С победой в Отечественной войне 1812 г. и включением Царства (в польской традиции, конечно, Королевства) Польского в состав Российской империи польская тематика, все явственнее приобретая черты польского вопроса, еще более актуализировалась.

Среди русских историков первой трети XIX в., в сочинениях которых нашел преломление польский вопрос, первое место, бесспорно, принадлежит Н.М. Карамзину. Польские экскурсии проходят через всю его «Историю Государства Российского». Но свое понимание русско-польских отношений историк изложил еще в «Историческом похвальном слове Екатерине Второй» (1802). По поводу российских приобретений в ходе разделов 1772–1795 гг. он без колебаний писал, что «Монархиня взяла в Польше только древнее наше достояние». Однако карамзинское восприятие польских реалий не было столь однозначным. Доказательством тому – конфиденциальная записка, представленная им царю в 1819 г., где аргументы возвышенного характера были отодвинуты в сторону. Утверждая, что мы, Россия, взяли Польшу мечом, историк, однако, не заметил, что, если следовать его же логике, неизбежно должен напрашиваться вывод, что по тому же праву меча «древнее наше достояние» в свое время было владением Польши. Что буквально означало: страны-соседи – во всяком случае, в равной мере – могли претендовать на эти земли. Примечательно, что присутствовавшая в этой записке историка по-своему трезвая (по сути, имперская) аргументация была оставлена Карамзиным за рамками

открытого обсуждения польского вопроса – в ход шли стереотипы, уже прочно закрепившиеся в общественном сознании.

Так или иначе, в основе воззрений Карамзина на польскую проблематику лежало глубокое знание материала. Но патриотические чувства, восхищение деяниями российских самодержцев накладывали зримый отпечаток на его монументальную «Историю Государства Российского». Не напрасно те польские политики, что действовали на страницах его «Истории Государства Российского», как правило, воплощали в себе корыстолюбие и прочие пороки, оттеняя тем самым заслуги создателей Российской державы.

С точки зрения известного польского историка А. Новака, именно от Карамзина пошли проекты декабристов насчет Польши. Строгое разграничение тех идей, что витали в воздухе еще до Карамзина, вдохновляя последнего, и того, что в данном вопросе привнес сам автор «Истории Государства Российского», думается, едва ли возможно. Но тезис Новака в любом случае представляется сильно утрированным. Вообще трудно допустить, что не будь соответствующей национальной традиции, воззрения Карамзина способны были так молниеносно завоевать признание (несмотря на то, что нашлось и немало критиков). Не менее дискуссионным представляется безоговорочное зачисление декабристов, пусть даже в отдельно взятом польском вопросе, в число карамзинских единомышленников, «Русская Правда» Пестеля все-таки предполагала существование независимой Польской республики, дружественной России.

Идейный настрой «Истории...» Карамзина, как и ее литературные достоинства, безусловно, сыграли немалую роль в формировании подхода русского общества к польским делам. В то же время, не меньшее, по крайней мере, значение имела, по-видимому, национальная память, на которую опирался Карамзин и которой он сумел придать четкие, по-своему гармоничные очертания. Поэтому публицистика Н.М. Карамзина и его монументальный труд, как никакие другие из памятников эпохи, позволяют судить о том, как в Российской империи первых десятилетий XIX в. воспринимался польский вопрос. С одной стороны, карамзинские идеи отвечали царившим в обществе настроениям, – без этого был бы невозможен потрясающий успех многотомного труда. С другой, карамзинская трактовка событий, связанных с польским вопросом, стала, без преувеличения, явлением общественным. Важно и то, что сумма содержащихся в «Истории...» сведений о Польше и о русско-польско-литовских взаимоотношениях практически определит тот основной объем информации на данную тему, каким будут оперировать в русских образованных кругах на протяжении длительного времени. Что не менее существенно, «История...» Н.М. Карамзина как «бессмертного историографа» (по выражению А.Н. Сахарова) во многом обозначит тот угол зрения, под которым будут рассматриваться польские сюжеты. Именно карамзинская трактовка никогда не терявшего актуальности для России польского вопроса надолго окажется господствующей в русском обществе, сыграв значительную роль в формировании национальной исторической традиции.

Под углом зрения нашей темы важно подчеркнуть, что наблюдаемое в «Истории Государства Российского» смешение понятий геополитического и возвышенно-патриотического свойства станет во многом традиционным в российской исторической полонистике. Очевидно, та интерпретация русско-польских взаимоотношений, которая исходила от Карамзина, была вполне созвучна этатистским настроениям русского общества. Огромная популярность этого труда и, в частности,

тот факт, что десятый и одиннадцатый тома «Истории...» вдохновят А.С. Пушкина на создание трагедии «Борис Годунов» – убедительное тому подтверждение.

Конечно, в контексте первой четверти XIX века можно говорить и о других исторических сочинениях, например, о «Русской истории» (первое издание 1817 г.) С.Н. Глинки (с именем которого нередко связывают утверждение русского национализма), но по уровню разработки материала, в том числе польского, «Русская история» не идет ни в какое сравнение с «Историей...» Н.М. Карамзина, и способна разве что – подобно «Путешествию от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 г.» (М., 1828) В.Б. Броневского – служить иллюстрацией того, насколько вольно могли использоваться польские сюжеты русскими авторами.

В центре внимания **второй главы («Польский вопрос и польские студии 1830-х–1850-х годов»)** – реакция русского общества на восстание 1830–1831 гг. и ее отражение в сочинениях, касавшихся как Польши и поляков вообще, так и польской истории, прослеживается отношение к польскому вопросу В.Г. Анастасевича и П.Я. Чаадаева, А.С. Пушкина и В.А. Жуковского, П.А. Вяземского и М.С. Лунина. Вопреки утвердившимся в советскую эпоху представлениям, приходится констатировать, что русская интеллектуальная элита – при всех имевших место расхождениях в подходе к польским делам – в основном негативно отнеслась к польскому восстанию и его целям (причем, это восприятие оказалось достаточно устойчивым, и суждения либерально настроенного Б.Н. Чичерина на сей счет – лишнее тому свидетельство). Негодование по поводу выступления поляков, пусть на время, объединит людей, которых трудно было счесть единомышленниками (например, Д.В. Давыдова и П.Я. Чаадаева). Нельзя не признать репрезентативной реакцию на польское восстание Пушкина, хотя противопоставлением «кичливый лях иль верный росс» не исчерпывалось его восприятие польского вопроса. Даже в современной литературе вопроса не всегда учитывается, что это восприятие не было примитивно однозначным. Между тем эту неоднозначность чутко улавливали правительственные инстанции, как при жизни поэта, так и много позже. Не случайно Николай I долго не давал разрешения на публикацию трагедии «Борис Годунов», а уже в советские времена, в 1937 г. Сталин наложил запрет на постановку «Бориса Годунова» в Московском Художественном театре, мотивировав свой засекреченный запрет тем, что поляки изображались Пушкиным порой в лучшем свете, чем русские.

Значительное внимание в главе уделено произведениям, в которых ставился вопрос о роли магнатства и шляхты в судьбах Польши. К этой теме не раз обращался, в частности, Н.В. Гоголь, видевший главный порок политического строя Речи Посполитой в слабости королевской власти и могуществе, как он выражался, государственных магнатов. Подход к польской проблематике таких корифеев русской литературы XIX в. как Пушкин и Гоголь, во многом показателен. Вместе с тем представлялось необходимым соотнести их видение проблемы с пониманием польского вопроса менее известными их современниками. Материал для таких сопоставлений доставляет, в частности, литературное наследие Д.В. Давыдова, наглядно отразившее восприятие польского вопроса в русской армейской среде. Представления этого «гусара и поэта» о поляках и русско-польских взаимоотношениях нашли отражение как в его стихотворениях – но в меньшей степени, так и в прозе – в основном (прежде всего, в «Воспоминаниях о польской войне 1831 года»). Убежденный в том, что самостоятельная Польша была способна лишь спровоцировать проблемы для самой себя, вследствие чего становилось невозможно обойтись без вмешательства соседей, Давыдов уверенно говорил о «низкопоклон-

ной, невежественной шляхте» как главной виновнице всех проблемы Польши. Опираясь на бытовавшие в русском обществе стереотипы и руководствуясь собственными наблюдениями (полученными, главным образом, в ходе участия в русской кампании по подавлению польского восстания), мемуарист охарактеризовал польскую шляхту не только как виновницу всех бед Польши, но и как «носительницу всех национальных пороков и ненавистницу России». Вместе с тем, обращает на себя внимание то, что автор «Воспоминаний...» не считал нужным прибегать к традиционным для русской исторической традиции ссылкам на этноконфессиональные мотивы в действиях Екатерины II и ее преемников, не ссылаясь Давыдов и на необходимость воссоединения исконно русских земель. Он не усматривал ничего зазорного в том, чтобы подчеркивать геополитические цели дипломатии Екатерины, даже идя вразрез с господствующей по этому поводу в отечественных сочинениях точкой зрения.

Существенное место в главе отведено трудам М.П. Погодина, обратившегося к польской тематике в самом начале 1830-х гг. Показана, в частности, справедливость самооценки М.П. Погодина, что польский вопрос им был за десятилетия «переверочен, кажется, на все стороны». Но на что опирался Погодин в своих представлениях о польском вопросе? Полагая, что Польша пала не от политики соседей, а от своего безначалия («Здание должно было рухнуть, ибо подпоры были негодные, – вот содержание польской истории», писал он в 1839 г.), историк предложил свое объяснение своеобразия польского государственного устройства. В духе популярной тогда теории завоевания как первопричины социального неравенства, он приходил к выводу, что истоки польской государственности восходят к завоеванию страны иноземцами, которые составили в Польском государстве господствующий слой – шляхту. Главную причину польской государственной аномалии Погодин усматривал в многочисленности «пришлого племени», в силу чего «пришлецы польские» сохранили свою обособленность (в отличие от Руси, где, по Погодину, пришедшие туда норманны за двести лет ославянились). Из этой, лишь постулируемой, не подкрепленной никакими аргументами, обособленности историк выводил губительные по своим последствиям такие черты шляхетского характера, как отчуждение польской шляхты от всех остальных славян и презрение к польским крестьянам, в чем, на его взгляд, коренилась ненависть между сословиями. Однако такого рода наблюдения над картиной межсословных отношений не подводили автора к необходимости хоть минимального сопоставления польской ситуации с ситуацией в соседних с Польшей русских землях, не слишком стремился авторитетный историк и к тому, чтобы аргументировать свои суждения о давней польской истории.

Исходя из уверенности, что исключительно свойственные Польше формы правления, а никак не политика соседей, обусловили ее гибель как государства, Погодин полностью оправдывал политику екатерининской России, которая всего лишь получила от этого упавшего здания «свои собственные древние материалы». Больше того, на этом основании историк счел возможным отрицать сам факт участия Российской империи в разделах Польши, не заметив при этом внутреннего противоречия: разве, чтобы получить «собственные древние материалы», можно обойтись без договоренности с соседями, т.е. участвовать в разделах?

Анализ полонистического наследия Погодина позволяет предположить, что историк со временем пересматривал, изменял свое восприятие польского вопроса. Но настолько ли кардинально? Действительно, если прежде вся вина за польско-

русские столкновения безоговорочно возлагалась им на польскую сторону, то в своем «Послании к полякам» (1854) Погодин, отдавая себе отчет в том, что вина лежала на обеих сторонах конфликта, выступал с призывом к русским и полякам отказаться от того, чтобы «разрывать священные для нас могилы и искать там виновников». Спустя пару лет Погодин даже выступил с предложением предоставить Польше собственное управление. Но что он под этим понимал? Это всего лишь означало то, что, согласно эвентуальному плану Погодина, Польша, управляемая «сама собою, как ей угодно», должна была, тем не менее, по-прежнему остаться «в неразделенном владении с империей Российской». Однако резко негативная реакция историка на восстание 1863 г., даже упреки властям за излишнюю, на его взгляд, умеренность правительственных репрессий ясно продемонстрируют, что недавнее миролюбие было продиктовано лишь внешнеполитической конъюнктурой, неудачами в Крымской войне. Вместе с тем нельзя не признать, что за сентенциями, доказывавшими приверженность Погодина уваровской триаде, стояло основательное знание предмета. Рассуждая о тесно переплетавшихся судьбах двух народов – русских и поляков, историк все-таки стремился обнаружить действовавшие здесь закономерности. По меркам той эпохи его польские студии вообще отличал концептуальный подход.

В главе привлечено внимание к такому немаловажному событию в истории отечественной славистики, как выход в 1843 г. первого российского учебника по истории Польши. Подчеркнуть важность этого факта следует еще и потому, что и сама книга, предназначенная для гимназий Царства Польского, и ее автор Н.И. Павлищев до недавнего времени оставались практически вне поля зрения наших исследователей. Исключение составляют разве что работы Ю.И. Штакельберга: одна из них (1967 г.) освещала материалы по истории восстания 1863 г. в архиве Н.И. Павлищева, другая – биографического характера в словаре «Русские писатели. 1800–1917» (М., 1999), где сведения о его исторических сочинениях даны в минимальной дозе. Излагая историю Польского государства, его подъема и краха, Павлищев видел свою задачу в том, чтобы показать благотворность русского влияния и пагубность любых антироссийских интриг польской стороны. Еще одна его основополагающая мысль сводилась к тому, что к гибели Речь Посполитую привело ограничение шляхтой самодержавия. В итоге, заключал автор, Польша, оказавшись не способна к самостоятельному существованию, «вошла постепенно в состав соседних, благоустроенных держав».

В главе также рассмотрен опыт интерпретации польской истории таким видным славистом, как О.М. Бодянский. Судя по хранящейся в РНБ его рукописи лекционного курса, который в 1858 г. читался Бодянским в Московском университете, лектор исходил из того представления, что равенство, конечно, противоположно самовластию, но все-таки существуют пределы, переходя за которые любая добродетель – подразумеваемая здесь равенство – превращается в порок, в чем безошибочно угадывался намек на золотую шляхетскую вольность. По оценке Бодянского, в Речи Посполитой верх, в конце концов, взяло безрассудство, что затем неизбежно привело к ограничению королевских прав и к умножению свобод. Бодянский в своем лекционном курсе проводит ставшую популярной в отечественной исторической литературе и публицистике XIX в. мысль, что Польша (шляхетская республика) была изначально обречена на гибель. Перечисляя пороки Речи Посполитой («безграничное властолюбие вельмож», «необузданность дворянства»), Бодянский отметил также «совершенную безгласность и отстранение от всякого участия в об-

щем деле простого сословия», что, на его взгляд, подрывало «очень сильно и быстро самые основания государственной жизни». Обращает на себя внимание, что профессор Московского университета, обличая изъязыны Польского государства и общества раннего Нового времени был далек хотя бы от минимального сопоставления польской и русской ситуации (как Раннего нового, так и Нового времени).

Характеризуя состояние отечественной полонистики 1830-х–1850-х гг., надо сказать об активной деятельности П.А. Муханова на ниве издания источников, имевших отношение к польской истории, либо отметить предпринятое в Петербурге переиздание свода польских законодательных памятников 1347–1780-х гг., выпущенного в XVIII ст. в основном стараниями Станислава Конарского, и к середине XIX века ставшего библиографической редкостью (*Volumina legum*. Т. 1–8. SPb., 1859–1860).

При подведении итогов в главе констатируется, что при всех бесспорных успехах отечественной исторической мысли, в середине XIX в. история Польши все еще оставалась слабо изученной научной сферой, что, между прочим, в своей рецензии на переведенную с польского на русский книгу Георга Бандтке «История Государства Польского» (СПб., 1830) констатировал М.П. Погодин в 1831 г. Примерно то же самое наглядно продемонстрировал казус со сдачей магистерского экзамена С.М. Соловьевым (1845), когда ему было предложено «изложить историю отношений России к Польше с древних времен до настоящего времени». У Соловьева были основания, вспоминая годы спустя об этом, не слишком удачном для него опыте (и, не исключено, несколько сгущая краски), назвать заданный ему вопрос нелепым, поскольку, с его точки зрения, «для сколько-нибудь удовлетворительного решения этого вопроса тогда не сделано было ничего». Но, как бы то ни было, положение менялось буквально на глазах – и во многом благодаря разысканиям (и научным изысканиям) самого С.М. Соловьева. В томах его «Истории России с древнейших времен», выходявших начиная с 1851 г., польские сюжеты заняли заметное место. При этом автор, опиравшийся главным образом на архивные материалы, в значительной мере выступал здесь первооткрывателем.

Третья глава («Польский вопрос и полонистика в 1860-е – 1870-е гг.») посвящена периоду, в истории русской общественной и исторической мысли во многом переломному. Польские исследования в эти годы, помимо прочего, были осложнены – и, вместе с тем, стимулированы – вспыхнувшим в январе 1863 г. польским национально-освободительным восстанием. Если полярные, взаимоисключающие позиции в подходе к польскому вопросу обозначили «Московские ведомости» М.Н. Каткова и эмигрантский «Колокол» А.И. Герцена, то в подцензурной печати диапазон колебаний, разумеется, был более узок. Но едва ли можно объяснить доминирование в российской прессе активных антипольских настроений и ужесточение позиций, вполне ощутимое, например, в статьях А.Ф. Гильфердинга («За что борются русские с поляками» и др.), в свое время вызвавших значительный общественный резонанс, только строгостью цензуры. Судя по всему, в обществе в ту пору нашли живой отклик шовинистические идеи, пропагандируемые Н.П. Барсовым и подобными ему публицистами. Слепая вера в извечно коварную польскую интригу обнаруживает себя и, казалось бы, в просвещенных кругах. Пример тому – писания П.И. Мельникова-Печерского. Известный литератор (в недавнем прошлом высокопоставленный чиновник) записывал на счет этой интриги даже Пугачевщину. По его словам, «мы не знаем, насколько в этом деле принимали участия поляки, но не можем и отрицать, чтоб они были совершенно непричастны этому делу».

Однако симптоматично и другое, порой упускаемое из виду, обстоятельство, что тот же А.Ф. Гильфердинг в польском вопросе заметно отходил от славянофильской ортодоксии, положительно отзываясь о Конституции 3 мая 1791 г., признавая, что поляк-повстанец действительно воюет за свое отечество. Что отличало его, например, от декабриста М.С. Лунина, который был убежден, что никто из поляков не смог бы ответить на вопрос, какова была цель их вооруженного выступления. Впрочем, это не мешало Гильфердингу страстно желать победы над мятежниками, уже на том основании, что Польша для него была изменницей славянскому духу. С ощущаемой не одним лишь Гильфердингом недостаточностью привычно однозначных суждений по поводу польских дел, со стремлением глубже осмыслить эти явления (а также и в связи с постепенным накоплением исследовательского опыта в полонистических изысканиях), очевидно, следует связывать появление в те годы первых в России монографических трудов по истории Польши.

В литературе принято придавать особое значение выходу в свет книги В.И. Герье «Борьба за польский престол в 1733 г.» (1862). По времени она действительно была первой, но в концептуальном отношении эта проба пера будущего известного ученого, насколько можно судить, особого интереса не представляла. По-настоящему значимый рубеж в развитии польского вопроса и соответственно – российской исторической полонистики XIX века, скорее следует связывать с выходом «Истории падения Польши» (1863) С.М. Соловьева. Исследователь не только ввел в научный оборот массив екатерининской дипломатической корреспонденции, но и попытался дать развернутый ответ на ключевой (пожалуй, до сих пор) для проблемы вопрос – о причинах гибели Речи Посполитой. Характерно, что главными факторами, которые позволили России «свести старые счета с Польшей», историк признал не только «русское национальное движение» и «завоевательные стремления Пруссии», но и польские реформы XVIII в., поскольку, как он считал, преобразования, спасительные для крепких организмов, лишь приближают гибель слабым. Соловьев, однако, не заметил уязвимости своего тезиса, ведь в таком случае возникает вопрос, зачем нужны преобразования «крепким организмам»? Но позднее, в своей монографии «Император Александр I. Политика. Дипломатия» (1877) Соловьев сведет все эти моменты к одной лаконичной фразе, заявив, что «Польша погибла вследствие своих республиканских форм». Приходится признать, что развиваемые Соловьевым идеи своими корнями восходили к давним стереотипам, но он отчасти углубил, отчасти верифицировал прежние представления, что послужило ему опорой при рассмотрении дипломатических комбинаций, решивших судьбу Польши. Для подхода историка к польскому вопросу характерно, что, оценивая ту роль, какую в крушении Речи Посполитой сыграли польские социально-политические группировки, Соловьев не отделял, так сказать, «вельможество» (поляки бы сказали – «магнатство», «магнатерия») от мелкой и средней шляхты. Под «шляхтой» им обычно разумелось все дворянское сословие, и он практически абстрагировался от факта перерождения шляхетской республики в магнатскую олигархию. Здесь, видимо, проявилось своего рода отталкивание от концепции Иоахима Лелевеля: идеолог демократического крыла польского национально-освободительного движения, насколько известно, подчеркивая в своих трудах деструктивную роль магнатства в судьбах страны, вместе с тем идеализировал гражданские доблести шляхты.

Иной подход к проблеме продемонстрировал Н.И. Костомаров в своем исследовании «Последние годы Речи Посполитой» (1869). В центре его интересов стояла

не высокая политика, а люди той эпохи, их чувства и поступки, в которых, как был убежден историк, нашли свое выражение черты национального характера. Соответственно, в основу монографии он положил мемуары и иные свидетельства современников, позволявшие судить о мотивах поведения и эмоциях участников польской драмы. Особенности польского политического строя, на его взгляд, «не представляли еще стихий неизбежного падения и разложения государства», а пороки Речи Посполитой мало чем отличались от тех, что были свойственны соседним странам. На ряде примеров – правда, ограничиваясь аналогиями со странами Запада и предпочитая в этом контексте обойтись без упоминаний о России – Костомаров доказывал, что государственное устройство Польши «не хуже было устройства других стран». Больше того, это польское устройство, по его признанию, «выработкой свободных форм стояло выше многих». Итоговый вывод исследователя был категоричен: коренные причины гибели Речи Посполитой были заложены «в складе племенного характера». Иными словами, на первый план историком выдвигалась чисто романтическая идея «национального характера» (с некоторой поправкой на всемогущество воспитания, заставляющей вспомнить о воззрениях просветителей XVIII в.). Во многом идущие вразрез с традицией, рассуждения Н.И. Костомарова занимали в объемистой монографии все же сравнительно небольшое пространство. На авансцену в первую очередь выходили почерпнутые из мемуаров исторические анекдоты, яркие зарисовки быта и нравов эпохи, увенчанные эффектной сравнительной характеристикой главных действующих лиц – Екатерины II и Станислава Августа. Читателям импонировали обилие колоритного материала, живость изложения, что обеспечило книге немалую популярность. Очевидно, сыграл свою роль и патриотический настрой монографии, полное оправдание автором действий екатерининской политики. В этом отношении между Соловьевым и Костомаровым – при всем несходстве их общественно-политических позиций и творческой манеры – существенных различий не было. Очевидная предвзятость в отборе материала и его интерпретации не помешала тому, что в интересующей нас сфере эти два капитальных исследования надолго станут основополагающими. Появившиеся в пореформенный период труды, как правило, шли в русле той или другой из них. При этом нельзя не отметить, что восприятие идей Костомарова было строго избирательным. Мысль о достоинствах политического строя Речи Посполитой в российской исторической литературе и публицистике признания не нашла. Тезис же о роли национального характера был энергично поддержан, в частности, Д.И. Иловайским, заявившим, что первопричиной анархии, которая погубила Польшу, являлся «народный тип, или народный характер». Аналогичным образом М.Ф. де-Пуле подчеркивал крайнюю противоположность народного характера поляков и русских.

В ряде положений развивавшее идеи С.М. Соловьева исследование А.С. Трачевского «Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов» (1869), построенное на рукописных материалах, заслуживает упоминания и само по себе, но оно любопытно еще и тем, что на него откликнулся убежденный панславист М.О. Коялович. Рецензент не только одобрил книгу, но и поделился своими соображениями о причинах упадка Речи Посполитой, не побоявшись публично провозгласить характерный для этого круга ученых обскурантистский тезис. По убеждению Кояловича, польская шляхта в XVI в., как он выразился, «поторопилась просветиться по-западноевропейски», что как раз и ослабило страну, ибо, уверенно заявлял Коялович, «славянские народы почти все бывали до сих пор могущественны

только при сильном невежестве». К истории первого бескоролья вскоре обратился Ф.М. Уманец, избрав характерное название для своего сочинения – «Вырождение Польши» (1872). Сравнить исследовательский уровень этих двух книг проблематично, поскольку Уманец попросту использовал яркие события как повод изложить собственные идеи. Разделы Речи Посполитой объявлялись им «самой большой из наших ошибок» по отношению к полякам, поскольку, считал он, «надо было или брать Польшу всю, до последнего сажня славянской земли, или, до поры до времени, управлять ею чрез Понятовского и Репнина». В число польских ошибок Уманцом было записано намерение поляков «упразднить свой республиканский строй». По странной логике автора – помимо прочего, выставившей в двусмысленном положении Россию, – этого не следовало делать потому, что в то время Европа уже развивала республиканские идеи.

Для состояния отечественной полонистики пореформенных лет по-своему симптоматично, что почти незамеченными современниками оказались труды Н.И. Павлицева. Среди них – трехтомная монография «Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. 1592–1699» (1878) и «Седмицы польского мятежа 1861–1864» (1887), представляющая собой подробную хронику событий Январского восстания. Обе книги не попадут и в поле зрения позднейших историографов. Судьба этих дилетантских сочинений наглядно свидетельствует, насколько за последние десятилетия XIX в. возрос уровень российской исторической полонистики. Когда в конце 1830-х гг. Павлицев трудился над учебником по истории Польши, подобные ему самоучки как раз и определяли облик полонистики. Но за прошедшие годы полонистика заметно профессионализировалась, исследователи приобрели некоторый опыт и навыки, Павлицев же, по существу так и остался дилетантом.

В анализируемых в главе трудах порой встречаются упоминания о хозяйственной и политической слабости городов Речи Посполитой. Но все-таки городская жизнь, состояние ремесел и торговли фактически оставались вне круга исследовательских интересов отечественных авторов. Тем большее значение поэтому имел выход магистерской диссертации М.Ф. Владимирского-Буданова «Немецкое право в Польше и Литве» (1868), где молодой исследователь убедительно показал существенные отличия немецкого права, как оно функционировало в западнославянских землях, от германского образца. Однако увлеченность автора славянофильскими идеями не пошла книге на пользу. В конечном счете, Владимирский-Буданов утвердился в мысли, что немецкое право отрицательно повлияло на государственно-правовые институты и печальная судьба Речи Посполитой есть пример «пагубности усвоения чужого». Нельзя не отметить, что этот, достаточно предвзятый вывод надолго утвердился в российской литературе вопроса. Что же касается появившегося вскоре компилятивного «Очерка истории крестьян в Польше» (1869) И.Л. Горемыкина, то он заслуживает упоминания разве только как свидетельство пробуждавшегося интереса к аграрно-исторической проблематике. В главе также привлечено внимание к небезынтересной попытке подойти к польскому вопросу с леворадикальных позиций, предпринятой И.Г. Прыжовым в его книге «История кабаков в России в связи с историей русского народа» (1868). Демократически настроенный автор, ненавидевший угнетателей-помещиков и разделявший убеждение, что в гибели Речи Посполитой повинна шляхта, даже на королевскую власть в Польше взирал с известным одобрением, благожелательно отмечая действия польских королей по поддержанию «свободных прав городов», на что посягала шляхта.

Помимо прочего, нельзя не отметить, что исследованиями Соловьева, Трачевского и их коллег в эти годы был введен в научный оборот солидный массив ранее неизвестных источников – главным образом, мемуаров и дипломатической переписки. Пополнялся и фонд изданий польских исторических памятников. В частности, ряд публикаций был осуществлен В.И. Ламанским («Допросы Костюшке, Немцевичу и прочим и их показания» и др.).

К циклу появившихся в 1860-е – 1870-е годы работ, где так или иначе преломлялся польский вопрос, вплотную примыкали статьи и книги, авторы которых, занимаясь иными вопросами, по ходу дела касались польских проблем. Так, особое внимание обращает на себя трактат Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869). Являвший собой попытку философски осмыслить место славянства во всемирном историческом процессе, трактат постоянно возвращал внимание читателей к Польше и ее западным покровителям. Под соответствующим углом зрения трактовалось и прошлое страны. Данилевский не сомневался, «что все, что было несправедливо в разделе Польши, – так сказать, убийство польской национальности, – лежит на совести Пруссии и Австрии, а вовсе не России». Книга Данилевского наглядно воспроизводила утвердившиеся в общественном сознании клише по поводу поляков и русско-польских отношений. Продолжая давнюю славянофильскую традицию, автор рассуждал о глубоком различии славянского и романо-германского национального характера. Если славянам (как издавна повелось) приписывались миролюбие и иные добродетели, то, на взгляд Данилевского, исключение составили поляки: «насильственность и нетерпимость отметили характер их истории». Упрек, впрочем (как у М.П. Погодина, Д.В. Давыдова и др.) адресовался только шляхте, которая усвоила европейскую насильственность, исказив тем самым свой славянский облик. Польскому дворянскому сословию было поставлено в вину воспринятое ими – «вместе с католицизмом и разными немецкими порядками» – аристократическое начало (тезис, скорее всего, позаимствованный Данилевским у Соловьева), которое, в конце концов, и погубило Речь Посполитую. Мысль о «глубоко искажающем влиянии латинства на польский народный характер» проходит через всю книгу. Характерные для трактата Н.Я. Данилевского стереотипы, касавшиеся исторической закономерности разделов Речи Посполитой, миролюбия Екатерины II и пр., часто встречались в трудах С.М. Соловьева и других историков. Но там их в какой-то мере заслонял собой анализ рассматриваемых процессов или хотя бы подробное описание хода событий. У Данилевского же эти стереотипы выступали в оголенном виде и потому бросались в глаза.

В целом, рассмотренный в главе материал убеждает в том, что в 1860-е – 1870-е годы сочетание ряда социально-политических и научных факторов обусловило не только обостренное внимание к польскому вопросу (свидетельством тому журнальные отклики на польское восстание, также рассмотренные в главе), но и – при всех имевших место издержках – значительную активизацию историко-полонистических студий. При этом резко возрастает удельный вес исследований, и этот сдвиг служит дополнительным аргументом в пользу того, чтобы с наступлением 1860-х годов связывать начало нового периода в развитии интересующей нас отрасли исторических знаний.

В четвертой главе («Польская вопрос и польская тематика в литературе 1880-х–1890-х годов») внимание сконцентрировано на тех успехах российской исторической полонистики, какие обеспечили ей ведущее положение в отечественном славяноведении. Успехи эти были тем более ощутимы, что достигнуты были в

пору политической реакции, придавшей особую остроту польскому вопросу. Еще до воцарения Александра III А.Н. Пыпину приходилось полемизировать с В.И. Ламанским и его единомышленниками, которым «обрусение» Королевства Польского виделось едва ли не единственным средством примирить Россию и Польшу. Обстановка в стране после 1 марта 1881 г. благоприятствовала появлению казенно-патриотических сочинений – тем более, что на конец века пришлись столетние годовщины второго и третьего разделов Речи Посполитой. Примером тому может служить брошюра А.П. Липранди «"Отторженная возвратих": Падение Польши и воссоединение западнорусского края» (1893), где автор, не ограничившись традиционными аргументами, с пафосом провозглашал, что «ни крепостное право, ни татарское иго не могут даже сравниться с тем рабством, какое довелось перенести западнорусскому народу во время нахождения его под польским владычеством». Однако и в те годы в работах, где отражался польский вопрос, порой находилось место здравому скепсису. Достаточно реалистичную трактовку екатерининской политики в диссидентском вопросе отстаивал в монографии «Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774» (1896) Н.Д. Чечулин, показавший, что глава Коллегии иностранных дел Н.И. Панин в своих непредназначенных для публики высказываниях бывал крайне циничен. Руководитель внешнеполитического ведомства Екатерины II, как отмечалось Чечулиным, считал невыгодным «излишнее распространение прав диссидентов /.../ настолько, чтобы они не нуждались в помощи России». Вразрез с господствующей в историографии тенденцией выступал и В.О. Ключевский, подчеркивавший, что диссидентский и национальный вопросы были для Екатерины II не более, как предлогом для вмешательства в польские дела. Однако подобные наблюдения некоторых исследователей не могли поколебать прочно укоренившиеся представления о том, что в основе екатерининской политики в польском вопросе лежала человеколюбивая забота о диссидентах, о простом народе.

Тому, что 1880-е годы существенным образом обогатили российскую полонистику, немало способствовало углубление русско-польских научных связей, хотя у этого процесса было немало противников: пример тому – яростные нападки М.О. Кояловича на «Историю славянских литератур» (1879–1881) А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича. В укреплении русско-польских научных контактов важнейшую роль играл Варшавский университет, где трудились К.Я. Грот, И.И. Первольф и другие видные слависты. Именно с русским Императорским Варшавским университетом будут связаны наиболее значительные явления в российской полонистике конца XIX века. В главе детально проанализирован знаковый в контексте заявленной темы цикл статей А.Н. Пыпина «Польский вопрос в русской литературе» (1880), солидная монография А.К. Пузыревского «Польско-русская война 1831 г.». Т. 1–2 (СПб., 1890), польские сочинения И.А. Чистовича, В.А. Мякотина, польские очерки, написанные В.Д. Спасовичем для «Истории славянских литератур» и др.

Особое место в главе уделено тем откликам, какие в русской научной среде нашла полемика по поводу причин падения Речи Посполитой, с новой силой разгоревшаяся в польских научных кругах между так наз. Краковской и Варшавской историческими школами. В отечественной литературе вопроса надолго утвердилось мнение, что к этой полемике в польской научной среде первым у нас привлек внимание Н.И. Кареев в своей статье «Новейший переворот в польской исторической науке» (1886). Сравнительно недавно, в 1990-е гг. И.Г. Воробьевой было доказано, что на новые веяния в польской историографии, связанные с выходом «Очерка ис-

тории Польши» Михала Бобжиньского, раньше Н.И. Кареева откликнулся профессор Московского университета Н.А. Попов (1884). Однако журнальные разыскания диссертанта убеждают, что – вопреки утвердившемуся в литературе мнению – информация об этой новой волне полемики в польских землях относительно причин падения Речи Посполитой появилась в русской периодике гораздо раньше выступлений Н.А. Попова и Н.И. Кареева (и даже до появления знаменитой книги М. Бобжиньского). Еще в 1874 г. «Вестник Европы» опубликовал подписанную инициалами «Е.Л.» статью «Польша и поляки при Станиславе Понятовском. 1784–1792», где внимание читателей обращалось на то, что в отечественной литературе остались «почти незамеченными любопытные польские издания». Автор статьи с удовлетворением сообщал, что польский историк Людвик Гумплович в своем кратком очерке, предварявшем публикацию источников, «нисколько не закрывает глаза перед безотраднoю истиною: он смотрит на нее прямо, хотя и с глубокой грустью», и его «взгляд на историю своего отечества» можно оценить как «весьма трезвый». Трезвость взгляда, по словам Е.Л., выражалась в том, что причины гибели Речи Посполитой усматривались Гумпловичем не столько в несправедливости и насильственных действиях соседей, как это характерно почти для всех польских историков, «сколько в условиях социальной и гражданской организации самой страны». Далее автор статьи в русском журнале прямо утверждал, что: «Такой взгляд составляет во многих отношениях новость в польской исторической науке и свидетельствует о замечательном повороте, возникающем в последнее время в ее направлении». Автор «Вестника Европы» с удовлетворением цитировал слова Гумпловича: «Мы пали, – писал поляк, – невзирая на всевозможные усилия подняться, помимо всяких попыток к возрождению, – попыток, полная история которых составляет вместе историю всего царствования Станислава Августа; мы пали вследствие внешних влияний, но еще более – скажем это с болью – вследствие причин внутренних, скрывающихся в недостатках народного характера...». Не удивительно, что российский обозреватель не мог сдержать своего восхищения: «Такое самопознание весьма знаменательно, и подобное самообличение очень характерно и ново в польском писателе!»

Иными словами, тот переворот в польской историографии, который, как было принято считать, с удовлетворением констатировали Н.А. Попов в 1884 г., а затем, два года спустя, Н.И. Кареев, еще в начале 1870-х гг. в «Вестнике Европы» был не только отмечен, но и соответственно прокомментирован. Однако этот факт до недавнего времени оставался незамеченным в нашей историографической литературе. Как бы то ни было, концепцию Бобжиньского Попов и Кареев приняли с удовлетворением. Хотя, по существу правильной было бы сказать, что русские историки не столько поняли ее, сколько истолковали в привычном для каждого из них смысле. В полемически заостренной формуле краковского историка: «Не границы и не соседи, только наш внутренний разлад довел нас до потери государственного существования /.../ Если /.../ в конце XVIII в. мы не могли противостоять опасности, то единственная причина заключалась в нашем внутреннем безнравье» они с удовлетворением восприняли первую фразу, не придав значения второй. Но что представляла собой та «опасность», которой была не в силах противостоять ослабленная внутренним безнравьем Речь Посполитая, как не натиск трех соседних монархий? Едва ли можно говорить, что Бобжиньский и его сторонники снимали всякую вину за разделы Речи Посполитой с держав, разорвавших ее на части, и в первую очередь с России. Так или иначе, Кареев, который стремился к установлению

между русскими и поляками «мирного сожительства в духе истины и справедливости», увидел в концепции Бобжиньского оптимальный шанс для сближения поляков и русских. Ему импонировало, что Бобжиньский в своей книге доказывал тот же самый (как представлялось Карееву) тезис о причинах гибели Речи Посполитой, который, по словам Кареева, для русских историков давно не был новостью.

Надо думать, не случайно и М. Бобжиньский, и Н.И. Кареев натолкнулись на непонимание со стороны своих соотечественников. В Польше на Бобжиньского обрушились не только приверженцы романтических идей И. Лелевеля и позитивисты, но и далекие от всяких ученых споров люди, чьи патриотические чувства больно задевало возложение историком вины за беды Польши на самую многострадальную их родину. Многими из читателей не было замечено, что Бобжиньский, акцентируя роль безнравственности в падении Польши, вовсе не оправдывал политику Петербурга, Берлина и Вены. В России же Карееву, многократно обруганному в консервативной печати за полонофильские настроения, ставили в вину пропаганду книги поляка Бобжиньского, считая, что Кареев, по словам М.О. Кояловича, «подкатывает бревно под ноги русских работников на нашей западной окраине». Но Кареев не отступил от своих намерений. Вскоре после перехода Кареева в Петербургский университет один за другим выходят его труды, в основу которых легли собранные еще в Варшаве материалы: «Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше» (1886), «Очерк истории польского сейма» (1888) и др. Особое место среди них занимает «"Падение Польши" в исторической литературе» (1888). Привлекая разноязычную, старую и новую литературу вопроса, Н.И. Кареев в этой работе суммировал огромный материал, касающийся того, как в европейской историографии трактуется гибель Польского государства и ее первопричины. Сам Кареев разделял распространенную в литературе мысль, что Польша пала вследствие своей внутренней безурядицы. Значимые различия в делаемых историками выводах он усматривал только в разнице того, «в чем же заключался корень зла» и – соответственно – в вопросе о тех средствах, которые могли бы способствовать излечению Речи Посполитой. Сам Кареев исходил из уверенности, что гибель Польши была обусловлена тем, что в то время, когда страна нуждалась в сильной центральной власти ради сохранения собственной независимости, она лишь приступила к преобразованиям, направленным, в том числе, на создание такого сильного правительства. Среди причин, которым, на взгляд историка, справедливо приписывают более или менее значительную роль в падении Речи Посполитой, Кареев отметил диссидентский вопрос. Можно сказать, что историк здесь оставался в русле вполне традиционной для российской полонистики трактовки гибели Речи Посполитой. Будучи убежден, что безурядица стала главной внутренней причиной падения Польши, Кареев, вместе с тем, не забывал о причинах внешних. Он признавал, что именно внешнеполитические факторы сыграли немалую роль в гибели Польши, но в свое время и западноевропейскими, и польскими историками, считавшими главным врагом Россию, эти факторы, на его взгляд, были «поняты... весьма поверхностно». Кареев стремился опровергнуть тезис, согласно которому «Пруссия и Россия в силу чисто временных обстоятельств воспользовались слабостью Польши, чтобы поживиться на ее счет», разъясняя, что подобный подход верен только в отношении Австрии. Совершенно очевидно, что либерал Кареев в полной мере солидаризировался с теми русскими историками и публицистами, которые, как теперь и он, напоминали, что в период разделов «само население спорных земель начало тяготеть к единоверному государству Московскому».

Нельзя не отметить, что увлеченный идеей о польской безурядице как перво-причине разделов Речи Посполитой – идеей, которая, снимала с Российской империи всякую вину за гибель Польского государства, Кареев упустил из виду немало-важное обстоятельство. Если польские преобразования катастрофически запаздывали, то едва ли можно оставить в стороне тот факт, что на протяжении XVIII в., прежде всего, Российская империя всячески препятствовала претворению в жизнь польских реформ. Вернее, историк об этом помнил, но при выяснении причин падения Польши он абстрагировался от причинно-следственной связи между политической Петербурга и сохранением в Польше безурядья. В конечном счете, Кареев в своей монографии 1888 г., фактически дал ответ не на тот вопрос, что им же самим был поставлен. Вместо выяснения причин гибели Речи Посполитой, историк сосредоточил свое внимание на объяснении того, почему Польша не смогла устоять перед дипломатическим и военным натиском трех соседних абсолютистских держав, среди которых доминировала Российская империя.

Если о Карееве как полонисте, хоть и недостаточно, но писали, то научная деятельность Н.Н. Любовича, также тесно связанная с Варшавским университетом, особого внимания к себе не привлекала. Причиной, очевидно, был сугубо академический характер трудов, что наглядно продемонстрировала уже его магистерская диссертация «История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарии» (1883), которая была посвящена проблеме, до него практически не становившейся предметом исследования. Об антитринитариях (иначе – Польских братьях, арианах) в литературе упоминалось, но идеология и деятельность этого радикального течения, обособившегося от кальвинизма, оставались неизученными. Молодому исследователю пришлось не только разыскивать разпыленные по архивам материалы, но и, анализируя их, отделять реалии от легенд. На первый план Любовичем выдвигались вопросы, связанные с социальной обусловленностью учения антитринитариев, с местом арианства в общественно-политической и культурной жизни Речи Посполитой. У Кареева были все основания отметить в своей одобрительной рецензии на этот труд, что автор обладает оригинальным взглядом на реформацию, «вынесенным им, очевидно, из специального изучения польского протестантизма». Вторая капитальная монография Любовича – «Начало католической реакции и упадок реформации в Польше», увидит свет в 1890 году. Как и книга 1883 г., она была построена на архивных разысканиях Любовича в хранилищах Варшавы, Петербурга, Кракова и др.

При анализе трудов Любовича и Кареева – как высшего достижения отечественной полонистики 1880-х – начала 1890-х гг., в диссертации подчеркнута, что эти два историка и по своим наклонностям, и по характеру их научной продукции, каждый по-своему олицетворяли две разновидности исследовательской работы. У Н.Н. Любовича исследование впервые вводимых им в научный оборот источников выходило на первый план, порой не оставляя места для более широких обобщений. Поэтому и выводы в его, ставших классическими, монографиях зачастую носили локальный характер. Тогда как Н.И. Кареев, напротив, стремился к возможно более широкому охвату рассматриваемых явлений и, соответственно, развернутых характеристик. При этом Кареев, как правило, опирался прежде всего на литературу (польскую, в том числе), заимствуя оттуда информацию, а нередко – и концептуальное ее осмысление. По широте кругозора, по охвату проблематики едва ли кто-либо из русских полонистов мог с ним сравниться. Вклад Кареева в развитие отечественной полонистики, бесспорно, велик, и, в то же время, именно в его трудах

весьма ощутимо преломление польского вопроса. Вместе с тем, думается, странно было бы упрекать Любовича за узость круга изучаемых им вопросов, либо ставить в вину Карееву то, что тот не вел, подобно Любовичу, архивных поисков, не занимаясь кропотливой разработкой каждого из освещаемых им вопросов. Такое различие между двумя выдающимися историками-полонистами, в конечном счете, может рассматриваться как проявление своего рода разделения труда, присущего любой науке, когда та достигает необходимой степени зрелости. В то же время, не может не обратить на себя внимания тот факт, что с начала 1890-х гг. Кареев и Любович отходят от полонистики, направленность интересов этих крупнейших российских полонистов на исходе XIX в. заметно меняется, теперь их больше привлекают вопросы методики и методологии исторического исследования. Такие перемены можно было бы считать не более, как фактами творческих биографий двух видных ученых. Бесспорно, в изменении направленности и интенсивности научных занятий значительную роль могли сыграть личные мотивы. В конце концов, не приходится сбрасывать со счетов житейские обстоятельства или разного рода случайности. Однако если деятельность этих двух выдающихся историков рассматривать в контексте отечественной полонистики конца XIX века, то при таком подходе, думается, есть основания полагать, что здесь – наряду со случайностями – проявили себя и некие закономерности.

Никак нельзя сказать, что в 1890-е годы польский вопрос вообще сошел со страниц отечественной печати. Появлялись и труды, посвященные истории Польши. В ту пору делали свои первые шаги в полонистике М.К. Любавский, А.А. Корнилов, А.Л. Погодин. Но даже такого рода наблюдения едва ли способны изменить общий вывод: в 1890-е гг. спад исследовательской активности российских полонистов очевиден. Чем это можно объяснить? Общеизвестно, что на исходе XIX – в начале XX вв. в российской исторической науке, как и в других странах, обнаруживали себя признаки кризиса традиционной методологии, шел усиленный поиск новых путей в науке. Полонистика, можно полагать, не оставалась в стороне от этого – естественного, хотя трудного и болезненного – процесса. При рассмотрении проблемы под таким углом зрения факт отхода Кареева и Любовича от конкретно-исторических исследований по истории Польши предстает в качестве симптома переживаемого отечественной исторической славистикой (и полонистикой, в частности) кризисного состояния. Вместе с тем следует отметить, что на последнее десятилетие XIX – первые годы XX в. приходится заметный рост полонистической литературы научно-популярного (а нередко сугубо популярного) характера. Будто руководствуясь заявлением Александра II, что «счастье Польши заключается в полном слитии ее с народами моей империи», в свет выходит целая череда исторических очерков о прошлом и настоящем (в составе Российской империи) польских земель. Это и капитальное издание «Живописная Россия», в котором Царству Польскому (польское наименование Королевство не получило распространения в русской традиции) посвящен один из томов, где польской истории до разделов и во время разделов были отведены специальные главы. Встречались и более скромные (в том числе, по объему) издания, такие как «Русская земля. (Природа страны, население и его промыслы). Сборник для народного чтения» или брошюра «Из народного доведения. Поляки. Чтение для народа», преследующие, похоже, сугубо просветительские цели. По-своему примечательно, что аналогичные подборки-сочинения, содержащие в себе сведения историко-географического и этнографического характера, продолжали выходить и в первое десятилетие XX века. Безусловно, отдель-

ной строкой следовало бы отметить полонистические работы, написанные в большей или меньшей мере под влиянием думских дебатов по польскому вопросу, но все-таки считаем, что данный аспект русско-польских отношений заслуживает отдельного внимания.

Принимая во внимание очевидный, с давних пор сохраняющийся, интерес в отечественной исторической (и не только научной) литературе к польской проблематике, которая когда в большей, когда в меньшей степени трансформировалась в польский вопрос, достаточно трудно согласиться с утверждением М.В. Лескинен о том, что: «Российская историография и полемическая публицистика XIX в., посвященная Польше, полякам и польскому вопросу, исследована очень подробно»²⁰. Во всяком случае, как раз те сочинения, которые были написаны, по словам Лескинен, «в жанре историко-психологических изысканий», и ставшие предметом изучения для самой исследовательницы, специальному анализу в контексте исторической полонистики XIX в. не подвергались. Не предпринимались и попытки определить их место в огромном массиве сочинений, которые (пусть с некоторой долей условности) могут быть отнесены к полонистике. Насколько известно, настоятельная необходимость – и потребность – понять, *что*, собственно, представляют собой поляки, волею судеб оказавшиеся в составе Российской империи, *что* есть Польша, ее история и т.д. ощущалась в российской исторической полонистике, если шире – в русском обществе – еще в первой трети XIX в.

Говоря о первых полутора десятилетиях XX века в контексте исторической полонистики, нельзя не обратить внимания на труды А.Л. Погодина, и, прежде всего, на такие, как «Главные течения в польской политической мысли (1863–1907)» (1907), двухтомное исследование «Адам Мицкевич: Его жизнь и творчество» (1912), «История Польши в XIX веке» (1915), анализ которых убеждает, что их автор во многом воспринял исследовательскую и творческую манеру своего старшего современника и коллеги Н.И. Кареева. Вообще, А.Л. Погодин, чья трактовка причин падения Речи Посполитой во многом разошлась с утвердившейся в отечественной полонистике, был готов многие вопросы оставлять открытыми. Пожалуй, к нему вполне применима характеристика А. Мегилла, согласно которой «истинный историк, тот, кто предан традиции истории, счастлив оставить свое суждение в пространстве между противоречивыми установками или утверждениями»²¹.

Своего рода подтверждением переживаемых отечественной полонистикой в начале XX в. кризисных явлений становится, как это ни покажется странным, безусловное достижение русской исторической науки. Здесь подразумевается выход в свет монументального свода источников, изданного под редакцией К. Военского – «Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года» (СПб., 1909–1912). Три тома источников (соответственно «Литва и Западные губернии», «Балтийская окраина в 1812 году», «Белоруссия в 1812 году») включают в себе бесценные свидетельства эпохи. Обращение к этому своду источников способно было поколебать немало устоявшихся к тому времени в российской полонистике представлений, касающихся как характера русско-польских отношений накануне образования Королевства Польского, так и польских политических традиций. В юбилейном семитомном издании «Отечественная война и русское общество» со статьями выступили В.И. Пичета («Польская конфедерация в 1812 году»), А.Л. По-

²⁰ Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 236.

²¹ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2009. С. 72.

годин («Наполеон и Литва», «Занятие Польши»), где нетрудно усмотреть использование материалов из свода К. Военского, но дальше этого дело не пошло. Не исключено, что как раз то обстоятельство, что сведения многих источников, содержащихся в «Актах...», были способны, по крайней мере, пошатнуть ставшие привычными историографические конструкции, во многом отвечавшие духу восприятия польского вопроса русским обществом, «Акты...» К. Военского оставались долгое время мало востребованными. Насколько можно судить, в недостаточной степени они используются историками и до сих пор. В целом, наблюдения над полонистическими трудами в данной главе убеждают, что российская полонистика в последние десятилетия XIX века, достигнув существенных успехов, вступила в полосу определенного кризиса, вызванного как изменениями в сфере методологии исследований, так и социально-политическими обстоятельствами внутри империи и осложнениями международных отношений накануне Первой мировой войны. Все это вместе взятое выдвигало на первый план польский вопрос не столько в контексте исторической полонистики, сколько (как это было столетие назад, в ходе Венского конгресса) в контексте внешней политики отнюдь не одной только Российской империи. Как раньше, так и теперь дипломатии стран-соседей готовы были разыграть, так сказать, польскую карту.

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования, в котором на обширном материале показана справедливость утверждения, что «польский вопрос родился вместе с Россией». В результате проведенного анализа подчеркнута известная взаимозависимость между состоянием польского вопроса и развитием полонистических исследований. Но, что важнее, при этом показана зависимость не только прямая – иначе говоря, влияние польского вопроса на характер и направленность занятий польской историей, на процесс становления и развития российской исторической полонистики, но и зависимость обратная, ранее мало привлекавшая внимание исследователей. Показано, что давало себя знать – пусть и не столь очевидное, – обратное влияние; приведены доводы в пользу более раннего, чем принято было считать, проявления в российских полонистических исследованиях позитивистской методологии. В работе подчеркнуто, что в XIX веке в сфере исторической полонистики созданы основательные, до сих пор не выпавшие из научного оборота, исследования по истории Польши и русско-польских контактов. Показано, что к началу XX века отечественная историческая полонистика прошла достаточно сложный путь становления и развития, вместе с тем, испытав на себе характерный для этого времени кризис традиционной методологии. Уточнена периодизация истории российской полонистики XIX – начала XX в.

Обращено внимание на тот факт, что при всей злободневности польского вопроса для России XIX – начала XX вв., при очевидном интересе к истории Польши, трудно назвать среди исследователей тех, для кого польская проблематика была бы главной в их научной деятельности. При всех достижениях российской исторической полонистики исследуемого периода русские полонисты – это (если допустимо здесь такое выражение) в основном совместители. Центр тяжести в их разысканиях, как правило, лежал либо в области русской истории, либо на первый план выходила история Западной Европы, либо Балкан или Литвы. С одной стороны, это способствовало историко-сравнительному подходу к польскому материалу, с другой – вело к попыткам перенести на польскую почву шаблоны, сложившиеся при занятиях историей других стран. Особо подчеркнуто: чем бы отечественные полонисты ни занимались, они, вполне естественно, ориентировались, прежде всего, на

историю России, прилагая к польским сюжетам российские мерки, и русская история, задумывались они над этим или нет, была для них едва ли не эталоном. Следует также признать, что триада графа С.С. Уварова включила в себя именно те ценности, какие высоко котировались в русском обществе XIX века. В глазах как отечественных историков, так и русской читающей публики Польша являла собой полное отрицание всех трех составных частей этой триады. Расстановка акцентов в уваровском конструкте могла быть различна, но в любом случае итог для поляков (для отношения к ним со стороны русского общества) оказывался неблагоприятным. Сопоставления польского и российского вариантов исторического развития – когда менее, когда более масштабные – наблюдались в отечественной полонистике многократно, и при этом в центре внимания касавшихся данной проблематики исследователей и любителей были именно различия между российской и польской моделями исторического пути. Тенденция подчеркивать, нередко – утрировать, отличия социально-политического развития Польши от соседних монархий будет прочно держаться (и перейдет в XX век). Но дело обычно не ограничивалось антитезой: «Польша – Россия». В Польше нередко видели изгоя всего славянского мира, а в Речи Посполитой – уникальное (и нежизнеспособное) государственное образование. Нельзя не заметить, что для такой, лестной для российских государственных деятелей, антитезы известные основания имелись. Но все же здесь многое следует отнести и на счет исторической аберрации. Подход к истории Польши – в особенности к истории Речи Посполитой – как к явлению уникальному, отклонению от некоей нормы, трагической аномалии, будет унаследован и последующей историографической традицией. В особенности это относится к освещению истории государства и права. Понадобилось не одно десятилетие, и усилия не одного поколения историков, прежде чем, по словам Б.В. Носова, «был опровергнут тезис о якобы естественном состоянии анархии и упадка польско-литовской шляхетской республики, в противовес которому была выдвинута концепция естественного развития Польши и пагубного влияния на него внешних сил»²². Нельзя также не отметить, что априорная убежденность в том, что едва ли не все беды Речи Посполитой проистекали из особенностей ее государственно-правового устройства (каковое, в свою очередь, нередко объявлялось производным от национального характера), нередко толкала российских профессионалов-историков, а тем более дилетантов на пренебрежение хронологией явлений.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. При характеристике состояния и уровня развития российской полонистики на протяжении более чем столетия (от начала XIX в. до первых десятилетий XX в.), нельзя обойтись без, хотя бы краткого, обращения к предшествующим периоду, когда только закладывались основы полонистических исследований. Отражение сюжетов польской истории в русской исторической традиции до первой четверти XIX века тесно связано с восприятием польского вопроса и польской истории русским обществом XIX столетия и отражением их в полонистических трудах. Без общих представлений о взаимодействии русского и польского историописания до XIX в. и роли этого взаимодействия в формировании, в том числе, взаимных стереотипов, невозможна характеристика и понимание истории отечественной полонистики.

2. Сообщения о польско-русских политических и культурных контактах, нашедшие отражение в польской и русской исторической традиции средневековья и раннего Нового времени, были широко востребованы в русском историописании

²² Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768. М., 2004. С. 8.

вплоть до первой четверти XIX в. Только проследив более ранние польские реминисценции, можно говорить об определенных успехах на ниве полонистики, каких добился Н.М. Карамзин, свидетельством чему его «История Государства Российского» и политическая публицистика. Особо следует учитывать, что русское общество в основном разделяло позицию Н.К. Карамзина в польском вопросе, причем, вне зависимости от своих политических и идеологических предпочтений. Польский вопрос зачастую выступал как фактор, объединяющий русское общество в его противостоянии, и зачастую противопоставлении себя, Западу.

3. Болезненность отражения польского вопроса в российской исторической полонистике была обусловлена, в том числе, остротой русского вопроса и проблемой самоидентификации обывателей Российской империи. Разница польских и русских политических представлений и политических традиций нередко определяла угол преломления польского вопроса в разнородных писаниях полонистического (или близкого к таковому) содержания (А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, П.Я. Чаадаев, Д.В. Давыдов, М.С. Лунин и др.).

4. Начиная с рубежа XVIII–XIX вв., польская тематика в отечественных полонистических сочинениях все больше (особенно в пору польских восстаний 1830 и 1863 гг.) трансформировалась в польский вопрос, что, помимо прочего, способствовало упрочению уже ранее сложившихся антипольских стереотипов. Преломление польского вопроса проявляло себя настолько, что даже профессиональные историки, как, например, М.П. Погодин, говоря о польском прошлом, пусть невольно, делали выбор в пользу внеисточникового знания (по определению Ежи Топольского), что, в частности, находило выражение в априорной уверенности в аномальном характере польской государственности.

5. Промежуточным, добавочным рубежом для российской исторической полонистики в пределах обширного периода, продолжавшегося с начала столетия до начала 1860-х годов следует считать начало 1830-х годов (а не начало 1840-х годов, как для всего славяноведения). Лишним доводом в пользу такой датировки служит реакция русского общества, и российской полонистики в том числе, на Ноябрьское восстание, которое не только резко обострило русско-польские взаимоотношения, но и придало острую злободневность польскому вопросу, и, как следствие, экскурсам в историю Польши. Вне зависимости от того, что темпераментные публицистические и историографические отзвуки варшавских событий не содержали в себе сколько-нибудь заметных, тем более – концептуальных – новаций по сравнению с предшествующими десятилетиями.

6. Учитывая, что «польский вопрос родился вместе с Россией», есть основание считать, что это обиходное для русского общества XIX века понятие, даже явление, фактически включало в себя весь комплекс социально-политических и этнокультурных проблем, болезненно преломлявшихся в русско-польских взаимоотношениях, отягощенных наследием исторической памяти не одного столетия. Что позволяет рассматривать польский вопрос не только в контексте имперского периода России, но и гораздо шире – в контексте истории России доимперской поры. Польский вопрос есть основания анализировать, в том числе, в мировоззренческой плоскости, где особым образом преломлялись общественное мнение и общественные настроения по отношению к полякам – с оглядкой на опыт, запечатленный в историописании, и, в том числе, в ходе взаимного общения на протяжении длительного времени.

7. Заявление С.М. Соловьева по поводу времени появления в России польского вопроса могло быть сформулировано историком только в ходе углубленного изучения истории русско-польских отношений, что стало возможно лишь в результате длительных и кропотливых изысканий. Именно с монографией «История падения Польши» (1863) С.М. Соловьева, а не с монографией В.И. Герье «Борьба за польский престол в 1733 году» (1862), следует связывать начало очередного этапа в развитии отечественной исторической полонистики XIX века. Помимо прочего, это дает основание говорить о более раннем, чем было принято считать, проявлении в российских полонистических исследованиях позитивистской методологии.

8. Разные формы русско-польских научных контактов как в первой половине XIX века, так и в дальнейшем можно расценивать как опыт или, по крайней мере, попытку, русско-польского диалога (Н.М. Карамзин – И. Лелевель, М.П. Погодин – Е. Бандтке, Н.И. Кареев – М. Бобжинский), направленного на примирение сторон. Надежды на такое примирение оживились в связи с полемикой в польской исторической науке по поводу причин гибели Речи Посполитой. Когда в России становится известно о так называемом «новейшем перевороте в польской историографии», который выразился в признании превалирования внутренних причин гибели Польши (как было принято считать в русской историографии) над причинами внешними, известие пробудило надежды на русско-польское взаимопонимание и скорое сближение.

9. Взаимодействие польского вопроса и полонистики (в первом из этих компонентов решительно преобладали стереотипы в сочетании с эмоциями, а во втором – не без труда, но прокладывало себе дорогу позитивное знание) было достаточно тесным. Но, что важнее, существовала зависимость не только прямая – иначе говоря, влияние польского вопроса на характер и направленность занятий польской историей, на процесс становления и развития российской исторической полонистики, но и зависимость обратная, ранее мало привлекавшая внимание исследователей.

10. На счету российской исторической полонистики XIX в. немало достижений. Многие из того, что было сделано в этой сфере, делалось ради русско-польского примирения, ради разрешения польского вопроса. Однако полонистические сочинения, в частности, А.А. Корнилова и А.Л. Погодина, вышедшие в начале Первой мировой войны, свидетельствуют скорее о том, что польский вопрос в России во многом по-прежнему оставался открытым. Ставка на изучение, и популяризацию в русском обществе, польской истории с целью взаимного польско-русского «узнавания» – ради разрешения польского вопроса, оказалась несостоятельной.

Апробация исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в монографии «Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке» (СПб., 2010, 21,6 п.л.), а также в статьях и тезисах докладов (общий объем более 30 п.л.). Отдельные положения неоднократно были представлены на всероссийских и международных научных конференциях. Диссертация прошла обсуждение на кафедре истории славянских и балканских стран СПбГУ, а также на кафедре истории южных и западных славян МГУ им. М.В. Ломоносова.

**Основные положения диссертации изложены
в следующих публикациях:**

Монография: Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб., 2010.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Отечественная полонистика и периодизация ее истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2007. Вып. 3. С. 190–200.
2. История польской шляхты и ее восприятие в российском обществе XIX века // Средние века. 2008. № 69 (1). С. 114–118.
3. Опыт польско-российского диалога: Н.И. Кареев, Н.А. Попов и Михал Божиньский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 3. С. 9–17.
4. Долгая пауза после блистательных успехов: Русская историческая полонистика на исходе XIX века // Славяноведение. 2010. № 1. С. 44–53.
5. А.Ф. Гильфердинг – полонист // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2010. Вып. 1. С. 65–71.
6. Фат, рожденный для будуара? Польская драма Екатерины и Понятовского // Родина. 2010. № 2. С. 56–57.
7. Н.И. Кареев и его интерпретация причин падения Речи Посполитой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2010. Вып. 3. С. 36–45.
8. «Горнило польских козней...». Русский гусар и вечный вопрос // Родина. 2010. № 7. С. 47–48.
9. Имперские черты шляхетской республики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2010. Вып. 4. С. 46–52.
10. Исторические экскурсии В.Д. Спасовича в его очерках польской литературы // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2010. Вып. 3. С. 3–9.
11. К вопросу о так называемом «перевороте в польской историографии» и его восприятию в России // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 12. С. 85–91.
12. Отечественная полонистика первых десятилетий XX века // Славянский альманах. 2011. М., 2012. С. 155–163.
13. Польский вопрос в 1914 году (по «Запискам...» Г.Н. Михайловского) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2012. Вып. 4. С. 68–76.
14. Славянский вопрос в российской политике на начальном этапе Первой мировой войны (по страницам воспоминаний дипломата-современника) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2014. Вып. 1. С. 20–27.
15. Польский вопрос в России XIX века (трактовка и время возникновения) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. 2. История. 2014. Вып. 3. С. 4–17.

Другие публикации:

16. Епископ Юзеф Верещинский и проекты военной реформы в Речи Посполитой // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 183–195.
17. Геополитические представления польского шляхтича (Петр Грабовский и его трактат 1595 г.) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 156–171.
18. Падение Речи Посполитой: современная отечественная историография вопроса // Тезисы к юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета СПбГУ. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2004. С. 140–141.
19. Кафедра истории славянских и балканских стран // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004. Очерк истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 262–277.
20. Турецкая тема в «Сеймовых проповедях» Петра Скарги // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2005. С. 75–86.
21. С.М. Соловьев и его «История падения Польши» // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. Вып. 6. С. 33–49.
22. Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в. // *Albo dies notanda lapillo*. Коллеги и ученики – Г.Е. Лебедевой (Византийская библиотека). СПб.: Алетейя, 2005. С. 173–193. В соавторстве с В.А. Якубским.
23. Станислав Понятовский – человек и политик: взгляд из России // Европа: Международный альманах. Тюмень: Мандр и Ко, 2005. Вып. V. С. 79–85.
24. *Rozbiory Polski*. (Рец. на: Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002) // *Arkana historii*. Kraków. (4-5/2005). № 64-65. С. 132–135.
25. Рыбалтовская комедия и «турецкий вопрос» в Польше конца XVI века // История и культура. Актуальные проблемы. СПб.: Наука, 2005. С. 261–265.
26. «Польский вопрос» в интерпретации А.Н. Пыпина // А.Н. Пыпин и проблемы славяноведения. М. – Ставрополь: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2005. С. 131–139.
27. Роль этноконфессиональных факторов в падении Речи Посполитой (российская историография вопроса) // *Ucrainica Petropolitana*. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2006. Вып. 1. С. 7–12.
28. К вопросу об освещении разделов Речи Посполитой в отечественной историографии XIX века // Вопросы истории славян. Воронеж, 2006. Вып. 17. С. 139–149.
29. Этатизм и ранняя российская полонистика // Власть и культура. Сб. статей. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2007. С. 281–292.
30. Н.Я. Данилевский и Польша // Вопросы истории славян. Вып. 18. Во-

- ронез, 2007. С. 105–114.
31. Николай Кареев и Михал Бобжиньский // Поляки в России: История и современность. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2007. С. 61–67.
 32. Рец. на: Аксенова Е.П. А.Н. Пыпин о славянстве. М., Индрик. 2006 // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2007. № 1/2. С. 148–152. В соавторстве с В.А. Якубским.
 33. Рец. на: Лаптева Л.П. История славяноведения в России XIX веке. М., 2005 // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2007. № 1/2. С. 152–156.
 34. С.М. Соловьев и отечественная полонистика 1860-х годов // *Славяноведение в России XIX–XXI веках*. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. С. 124–135.
 35. «Польские» статьи М.П. Погодина 1830-х годов // *Славянский альманах*. 2007. М.: Индрик, 2008. С. 67–78.
 36. В.Д. Спасович и его «История польской литературы» // *Поляки в России: История и современность*. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008. С. 44–51.
 37. Труды Н.И. Кареева по истории Польши и его «Основные вопросы философии истории» // *Материалы Международной конференции «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век»*. 12–14.11. 2008. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2008. С. 290–291.
 38. Диссидентский вопрос и падение Польши (российская историография XIX века) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1 (3). С. 31–39.
 39. Тема русско-польских отношений в трудах Н. М. Карамзина // *Страницы российской истории. Проблемы, события, люди*. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2008. С. 23–32.
 40. Рец. на: Тверская рукопись Юрия Крижанича / Сост. И.Г. Воробьева, В.М. Воробьев. Тверь: ООО «Изд-во Сатори», 2008. 224 с. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 2 (4). 2008. С. 186–188.
 41. К вопросу об освещении в польских учебниках польско-российских взаимоотношений XIX–XX веков // *Od Rusi Kijowskiej do Rosji współczesnej. Stan stosunków polsko-rosyjskich w obowiązujących podręcznikach do licejów i szkół wyższych / I Wrocławsko-Petersburskie spotkanie historyczne*. Wrocław: Wydawcictwo GAJT, 2008. С. 43–55. В соавторстве с В.А. Якубским.
 42. Н.Я. Данилевский и его современники о месте поляков в славянском мире // *Славянский альманах*. 2008. М.: Индрик, 2009. С. 69–80.
 43. Н.И. Павлищев – полонист, о котором забыли // *Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики*. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2009. С. 220–235.
 44. М.П. Погодин и Е.С. Бандке // *Мавродинские чтения*. 2008. Петербургская историческая школа и историческая наука: Дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. СПб: Исторический факультет СПбГУ, 2009.

45. К вопросу об освещении событий сентября 1939 г. в учебной и научно-популярной литературе // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2 (5/6). С. 37–44. В соавторстве с В.А. Якубским.
46. Рец. на кн.: Досталь М.Ю. «Как феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы». М., 2009 // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2 (5/6). С. 285–288.
47. Патриотизм и геополитика: соотношение этих понятий в российской полонистике XIX века // *Formuły patriotyzmu w Europie Wschodniej i Środkowej od nowożytności do współczesności*. Kraków: Polska Akademia umiejętności, Uniwersytet Jagielloński, 2009. С. 229–242.
48. Денис Давыдов и польский вопрос // *Культура и история*. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2009. С. 158–173.
49. О. М. Бодянский и польский вопрос // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 158–165.
50. Два историка – одна проблема: трактовка причин падения Речи Посполитой С.М. Соловьевым и Н.И. Кареевым // *Национальный / Социальный характер. Археология идей и современное наследство. Материалы всероссийской научной конференции*. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010. С. 264–266.
51. К вопросу об этнических аспектах Грюнвальдской битвы // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 2 / (8). С. 25–32.
52. Былая Речь Посполитая глазами петербургского поляка пореформенной эпохи // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. Вып. 9. С. 247–256.
53. Полемические заметки о Колиивщине // *Український гуманітарний огляд*. Київ: Смолоскип, 2013. Випуск 18. В соавторстве с Т.Г. Таировой и Е.Ю. Клецковой. С. 88–114.